

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DK
651
K2K6

F-19872

IN MEMORY OF

Professor Henry Lanz

FOUNDER OF THE SLAVIC
DEPARTMENT AT STANFORD

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

12-21-21

16-5543

1. ват. 45

БЫЛОЕ
ИЗЪ КАЗАНСКОЙ ЖИЗНИ
1856 — 1860 годовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРОШЛОМЪ.

Д. А. Корсакова.

КАЗАНЬ.
Типографія Б. Л. ДОМБРОВСКАГО.
1888.

DK 651

K, K6

Дозволено цензурою. Казань, 19 Октября 1898 г.

Былое изъ казанской жизни

1856—1860 годовъ.

Воспоминанія о прошломъ.

Дѣла давно минувшихъ дней!

Пушкинъ.

Осенью 1856 года,—какъ теперь помню даже самый день,—17 октября, мои родители вмѣстѣ съ нами, дѣтьми, переѣхали на постоянное жительство въ Казань. До этого, въ теченіи девяти лѣтъ, мы круглый годъ жили въ селѣ Арышхаздѣ, подгородномъ имѣніи, въ 25 верстахъ отъ Казани. Причиной для переѣзда въ Казань являлась необходимость въ болѣе серьезномъ моемъ обученіи, такъ какъ мнѣ исполнилось уже 13 лѣтъ и пора было подумать о надлежащей подготовкѣ къ университету: до

того времени меня и мою сестру обучала гувернантка, Наталья Ивановна Дубровина, и только лѣтомъ 1856 года былъ приглашенъ первый учитель—студентъ историко-филологическаго факультета, Влад. Мих. Логиновъ. Въ гимназію меня отдавать не хотѣли и рѣшено было, что меня будутъ учить Логиновъ и другіе студенты университета и духовной академіи. По переѣздѣ въ Казань уроки мои были организованы. Въ теченіи четырехъ лѣтъ я подготовился къ университету и въ августѣ 1860 года былъ уже студентомъ.

Жизнь моя въ Казани складывалась совершенно иначе, чѣмъ въ деревнѣ: и время было другое, и условія жизни другія. Четыре года, съ 1856 по 1860, были годами всеобщаго умственного и общественнаго оживленія Россіи, а въ томъ числѣ и нашего Поволжья; то была знаменательная пора «кануна реформъ», и я въ отроческій мой возрастъ, отъ 13-ти до 16-ти лѣтъ, послѣ тихой и однообразной деревенской жизни, очутился впервые въ большомъ городѣ и притомъ въ средѣ, жившей широкими умственными интересами. Вокругъ меня зачинался

тотъ процессъ общественнаго и умственнаго перерожденія Россіи, который развивается все сильнѣе и сильнѣе до настоящаго времени. Вотъ почему такъ памятенъ мнѣ 1856 годъ и вотъ почему я начинаю мое повѣствованіе съ переезда моей семьи въ Казань въ этомъ году.

Но прежде чѣмъ я приступлю къ самому разсказу, считаю необходимымъ сдѣлать оговорку. Съ 1856 по 1860 годъ я находился въ такомъ возрастѣ, въ который, разумѣется, не могъ какъ слѣдуетъ понимать ни окружающихъ меня явленій, ни людей, среди которыхъ я росъ. Я воспринималъ только отъ тѣхъ и другихъ впечатлѣнія, которыя перерабатывались во мнѣ позднѣе, и оцѣнка людей и дѣлъ того времени, встрѣчающаяся въ моемъ повѣствованіи, само собою, есть результатъ моихъ позднѣйшихъ размышленій о быломъ.

I.

Значеніе 1856 года въ общественной жизни Россіи.— Оживленіе литературы.— Обличительныя стихотворенія и Некрасовъ.— Всеобщее ожиданіе освобожденія крестьянъ.— Недоумѣніе помѣщиковъ.— Стихотвореніе «Жалобы помѣщика».— Возбужденіе общественныхъ вопросовъ въ журналахъ.— Герценъ — Историческія статьи.— Возрожденіе литературнаго движенія 40-хъ годовъ.— Новыя литературныя и общественныя теченія. Оживленіе университетовъ.— Кругъ знакомства моихъ родителей въ Казани въ 1856—1860 г.г

1856-й годъ подводитъ собою итогъ къ царствованію Императора Николая I и открываетъ новый порядокъ дѣлъ во внутренней жизни Россіи. 18 марта 1856 года заключенъ Парижскій миръ, положившій конецъ Крымской войнѣ; 26 августа того же года совершилась коронація Императора Александра II, въ дни которой была впервые высказана Государемъ мысль о крестьянской свободѣ. Эта мысль осуществилась 19-го февраля 1861 года въ формѣ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостного права, что и явилось исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ общественныхъ преобразованій. Эти два событія 1856 года опредѣляютъ собою весь характеръ послѣдующихъ годовъ.

Всеобщее оживленіе охватило русскую интеллигенцію, восторженно привѣтствовавшую Императора Александра II и сразу ставшую въ отрицательное отношеніе къ недавнему прошлому «тридцатилѣтію». Литература, получившая нѣкоторую ослабу сравнительно съ прежними временами, заговорила о «прогрессѣ», объ устарѣвшихъ понятіяхъ и формахъ быта и стала «обличать» недуги прошлаго. Правда, эти порывы къ прогрессу и обличенія были на первыхъ порахъ не только робки, но нерѣдко и иносказательны, тѣмъ не менѣе они рельефно доказывали, что на Руси «повѣяло новымъ духомъ», какъ выразился въ то время одинъ петербургскій публицистъ и ораторъ. «Русскій Вѣстникъ» М. Н. Каткова, начавшій выходить въ Москвѣ съ 1856 года, былъ самымъ сильнымъ выразителемъ этихъ прогрессивныхъ и обличительныхъ стремленій тогдашнихъ «передовыхъ». Трудно себѣ теперь даже представить, какое сильное впечатлѣніе производили въ то время политическія обзоры Каткова въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и печатавшіеся тамъ же «Губернскіе очерки, изъ воспоминаній надворнаго совѣтника Н. Щедрина»,

Это было первое появленіе въ печати псевдонима нашего столь извѣстнаго въ послѣдствіи политическаго сатирика М. Е. Салтыкова, имя въ то время совершенно невѣдомое въ русской литературѣ. Къ «Губернскимъ очеркамъ» немедленно стали появляться иллюстраціи въ воскресныхъ прибавленіяхъ къ газетѣ «Сынъ Отечества», выходившей въ 50-хъ годахъ подъ редакціей Старчевскаго; «очерки» передѣлывались для сцены и представлялись на провинціальныхъ театрахъ, въ томъ числѣ и на казанскомъ. Явилась масса подражателей Щедрина. «Сынъ Отечества» былъ въ то время обличительнымъ журналомъ: на его столбцахъ помѣщали свои стихотворенія новый поэтъ-сатирикъ Розенгеймъ и поэтъ стараго восторженно-риторическаго направленія Бенедиктовъ, въ эту знаменательную пору всеобщаго пробужденія отдавшій долгъ вѣянію времени и также вступившій на путь обличенія.

Въ 1856 году въ Москвѣ было напечатано первое изданіе стихотвореній Некрасова, изъ которыхъ съ захватывающимъ интересомъ прочитывались, прежде всего, стихи, указывающіе на произволъ и позоръ крѣпостного права. «Въ

дорогѣ», «Огородникъ», «Забытая деревня» — заучивались наизусть. Съ 1857 г. общественное оживленіе все болѣе и болѣе развивается и идетъ crescendo до 1861 года и предстоящее освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ дѣлается преобладающей заботой всѣхъ классовъ общества, — «злостью дня», какъ бы сказали нынѣ, и толки объ «эмансипаціи», какъ выражались тогда, раздаются всюду, весьма естественно волнуетъ прежде всего два общественныхъ класса, наиболѣе въ немъ заинтересованныхъ: крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Первые ожидаютъ «волю» съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, вторые съ тревогой и опасеніемъ. Освобожденіе крестьянъ заслоняетъ всѣ остальные общественные вопросы, разрѣшеніе которыхъ, по убѣжденію тогдашнихъ «передовыхъ» являлось немыслимымъ безъ разрѣшенія вопроса крестьянскаго. Всѣ были глубоко увѣрены въ томъ, что разъ цѣпи крѣпостного права будутъ сняты съ крестьянина — въ Россіи наступитъ полное благоденствіе и русскій народъ проявитъ свою мощную природную духовную силу, до тѣхъ поръ подавленную рабствомъ. Такъ было не только въ столи-

цахъ, но и въ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ. Такъ было и въ Казани. Помню, какъ въ 1858 г. собирались у отца помѣщики толковать о предстоящей отмѣнѣ крѣпостного права. Въ концѣ этого года открытъ въ Казани губернскій дворянскій комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ, въ который мой отецъ былъ избранъ вице-президентомъ. Всѣ были въ недоумѣніи, какъ приступить къ дѣлу улучшенія быта крестьянъ; большинство членовъ дворянскаго комитета стояло за личное освобожденіе крестьянъ безъ земли, но съ обязательнымъ выкупомъ усадьбы.

Помню очень хорошо, какъ одинъ помѣщикъ И.... пріѣхалъ къ отцу и, съ таинственнымъ и испуганнымъ видомъ, прочелъ ему «рукописное» стихотвореніе, въ то время считавшееся очень смѣлымъ. И.... недовѣрчиво и вопросительно взглянулъ на меня, вынимая стихотвореніе изъ бокового кармана; но батюшка ему заявилъ, что при мнѣ можно прочесть. Это стихотвореніе тогда же было напечатано въ одномъ кратковременно существовавшемъ журналѣ: «Московскій Вѣстникъ», выходившемъ подъ ре-

дакціей Е. М. Θεоктистова, и называлось: «Жалобы помѣщика». Вотъ нѣкоторыя изъ него строфы, которыя до сихъ поръ удержались въ моей памяти.

Чортъ возьми! Совѣмъ не спится,
Отъ клоповъ покоя нѣтъ.
Чуть заснешь—исправникъ снится,
Депутаты, комитетъ!
Что и дѣлать—самъ не знаю.....
Видно надобно вставать!
Проща - мыться! Ванька—чаю!
Васька—повара позвать!....

* *
*

Протрубили англичане,
Что у нихъ, молъ всѣ равны,
И что баре, что крестьяне
Для свободы рождены!
И у насъ пошли драть глотки,
И печатать, и писать ...
Филька—трубку! Пашка—водки!
Петька—завтракъ подавать!

* *
*

Гдѣ ужъ нашему народу
Брать примѣры съ англичанъ:
Дай-ка Филькѣ я свободу—
Черезъ часъ напьется пьянъ.

и т. д.

Въ то время было очень распространено

убѣжденіе, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи являлось однимъ изъ условій Парижскаго мира. Нѣкоторые приписывали это Людовику-Наполеону, большинство же указывало на Виндзорскій кабинетъ.

Съ 1858 года въ журналахъ стали появляться статьи о вольнонаемномъ трудѣ, о новыхъ началахъ сельскаго быта, объ общинномъ владѣніи, объ освобожденіи крестьянъ въ Германіи и въ Австріи, и весьма естественно возникла масса общественно-экономическихъ вопросовъ, такъ какъ освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ ставило на Руси впервые хозяйственно-экономическія явленія на почву не только общественную, но и политическую; а до того времени эти явленія не подлежали публичному обсужденію: хозяйство въ деревняхъ велось попросту, по домашнему, каждымъ помѣщикомъ по своему и входило въ частную область «домоводства»; дѣло фабричное и заводское, торговля, наконецъ,— были слабо развиты и всецѣло находилось подъ опекой правительственной власти. «Русскій Вѣстникъ» Каткова полемизировалъ по хозяйственно-экономическимъ вопросамъ съ славянофиль-

скими органами «Русской Бесѣдой» и «Сельскимъ Благоустройствомъ» съ одной стороны и съ «Современникомъ»—съ другой. Имя Чернышевскаго, какъ публициста-экономиста заявлялось впервые. Общественная сатира продолжала развиваться годъ отъ году все сильнѣе и сильнѣе. Появилась знаменитая «Искра», сопровождаемая цѣлымъ звѣзднымъ дождемъ разныхъ сатирическихъ листковъ, недолговѣчныхъ, быстро замѣнявшихся новыми. Успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ громаденъ; но еще болѣе успѣха имѣли русскія заграничныя изданія и во главѣ ихъ «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ» Герцена, имя котораго пользовалось необыкновенной популярностью. Онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ его литературнымъ псевдонимомъ, который произносился: «Искандеръ».

Обличительное направленіе проникло и въ русскую исторію, касаясь преимущественно тѣхъ сторонъ XVIII вѣка, которыя при Императорѣ Николаѣ I были совсѣмъ недоступны русской публикѣ. Изъ жизни «работника на тронѣ» сообщались нелестныя для него подробности и излагались, на основаніи иностранныхъ

книжекъ и архивныхъ документовъ, различные эпизоды изъ внутренней исторіи Россіи, какъ времени Петра Великаго, такъ и послѣдующихъ царствованій до Императрицы Екатерины II включительно. Но историческимъ свѣтомъ освѣщались не однѣ только отрицательныя стороны нашего недавняго прошлаго. Производились тщательныя изслѣдованія разныхъ общественныхъ и бытовыхъ явленій, и древней русской исторіи, и XVIII вѣка—для выясненія предстоящаго освобожденія крестьянъ и ожидающихся другихъ общественныхъ реформъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ воздать серьезную признательность русской исторической литературѣ второй половины 50-хъ годовъ: во многомъ способствовала она выясненію насущныхъ русскихъ общественныхъ вопросовъ, стоявшихъ тогда на очереди, и этимъ въ значительной степени облегчила пониманіе и проведеніе въ жизнь реформъ крестьянской, земской, судебной, учебной и другихъ.

Литературное оживленіе не ограничивалось однако этими теченіями. На ряду съ ними мы замѣчаемъ еще нѣсколько другихъ, и прежде всего возстановленіе умственнаго и литературнаго

движенія 40-хъ годовъ. Возобновилась старая распря между западниками и славянофилами; начали издаваться собранія сочиненій «людей сороковыхъ годовъ» и во главѣ ихъ Бѣлинскаго, самое имя котораго, послѣ его смерти въ 1848 году, не дозволено было упоминать въ печати; въ ежемѣсячныхъ журналахъ помѣщались произведенія корифеевъ русской изящной литературы, написанныя ими нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но не имѣвшія возможности появиться въ свѣтъ въ первую половину 50-хъ годовъ: Тургеневъ съ «Рудинымъ» и «Дворянскимъ гнѣздомъ», Гончаровъ съ «Обломовымъ», Писемскій съ «Тысячью душъ», Островскій съ своими комедіями,—приковывали къ себѣ вниманіе общества, а на страницахъ «Современника» появлялся таинственный критикъ съ подписью *Лайбовъ*, разъяснявшій общественное значеніе этихъ литературныхъ произведеній. Подъ такимъ псевдонимомъ скрывался Добролюбовъ, и его статьи, также какъ и статьи Чернышевскаго, настроены уже по другому камертону, чѣмъ статьи публицистовъ и критиковъ 40-хъ годовъ.

Въ статьяхъ Чернышевскаго и Добролюбова

выражается критическое отношеніе къ идеалистически-отвлеченному міросозерцанію «людей сороковыхъ годовъ» и высказывается реалистическое пониманіе вопросовъ теоретическихъ и общественныхъ. Органомъ такого отрицательно-реалистическаго направленія является «Современникъ». Писаревъ, развивающій это направленіе позднѣе въ «Русскомъ Словѣ», въ то время подвизается еще въ скромныхъ, полудѣтскихъ періодическихъ изданіяхъ, а само «Русское Слово», возникающее въ 1859 году, не отличается никакимъ опредѣленнымъ направленіемъ. Симпатіи къ народнымъ массамъ, проявившіяся въ столь нетерпѣливомъ ожиданіи освобожденія крестьянъ, само собою, находятъ выраженіе и въ изящной литературѣ: въ ней возникаетъ народническое направленіе. Въ 1858 году появляются долго находившіяся подъ запретомъ историческія эпопеи Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ и Стенькѣ Разинѣ, въ которыхъ ярко выражается украинофильское и казацкое народничество, и въ то же время народническое направленіе развивается въ цѣломъ рядѣ произведеній изъ жизни великорусскаго племени. Тѣ же народническія сим-

патіи замѣчаются въ русскомъ обществѣ и по отношенію къ Польшѣ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ которой мы русскіе, въ 50-хъ годахъ были столь мало знакомы.

Университеты русскіе, наравнѣ со всѣмъ обществомъ, оживились съ 1855 года. Уничтоженіе стѣснительныхъ правилъ, введенныхъ въ университеты послѣ европейскихъ событій 1848 года, начиная съ отмѣны студенческихъ «штатовъ» и съ возобновленія многихъ кафедръ,—являлись преддверіемъ еще бѣльшихъ ослабленій прежнихъ университетскихъ порядковъ, ослабленій быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, начиная съ 1856 года. Университетское преподаваніе все болѣе и болѣе отступало отъ тѣхъ казенныхъ, сухихъ программъ, которыя господствовали въ царствованіе Императора Николая I. Суровая внѣшняя дисциплина на военный ладъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшая на студентахъ, начала понемногу смягчаться, и университетская учащаяся молодежь, охваченная свойственнымъ юношеству порывомъ ко всему новому и свобод-

ному, весьма естественно поддалась прежде всего умственному оживленію того времени и стала стремительно обнаруживать свои долго дремавшія умственные и нравственные силы. Это движеніе среди студентовъ сначала, разумѣется, проявилось въ тогдашнихъ центрахъ русской умственной жизни въ двухъ столицахъ—Петербургѣ и Москвѣ, а къ намъ въ Казань передавалось только отраженнымъ свѣтомъ, нѣсколько запаздывая и преломляясь черезъ призму мѣстныхъ этнографическихъ и общественныхъ элементовъ Поволжья, Приуралья и Сибири; а эти элементы не представляли изъ себя особенно сильныхъ культурныхъ наслоеній, что являлось непреложнымъ результатомъ исторіи нашего края: русскія восточныя окраины заключали въ себѣ очень много инородческихъ племенъ, а потому и не могли отличаться мягкостью нравовъ даже въ XIX вѣкѣ.

Большая часть моихъ учителей—студентовъ университета и духовной академіи—что весьма понятно была охвачена этимъ общимъ оживленіемъ. Помимо уроковъ, мои учителя являлись въ нашемъ домѣ не только частыми, но и радушно

принятыми гостями, а съ нѣкоторыми изъ нихъ сохранили на всегда самыя близкія, дружескія отношенія и мои родители, и я. Ихъ бесѣды съ моими отцемъ и матушкой, между собою и съ другими посѣтителями нашей скромной, но многолюдной и разнообразной гостинной; чтеніе вслухъ, весьма тогда распространенное въ нашемъ домѣ, и возбуждаемые чтеніемъ разсужденія и споры; разсказы моихъ учителей изъ тогдашняго положенія дѣлъ въ казанскомъ университетѣ и въ духовной академіи—все это, взятое вмѣстѣ, питало мою отроческую мысль и имѣло на меня сильное вліяніе.

Сейчасъ я сказалъ, что гостинная моихъ родителей въ Казани съ 1856 года была многолюдна и разнообразна по составу. На нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ ея посѣтителей остановиться стоитъ. На первый разъ я выбираю изъ нихъ двѣ группы, которыя послѣ моихъ учителей оказывали на меня наиболѣе вліянія. Эти группы сосредоточиваются около двухъ высшихъ казанскихъ учебныхъ заведеній—университета и духовной академіи, состоя изъ ихъ начальства и профессоровъ; а почему это такъ случилось—необходимо объяснить.

Знакомство моихъ родителей съ представителями университета обусловливалось: во первыхъ, старинными служебными отношеніями моего отца, а во вторыхъ—родственными связями моей матери; духовная же академія привлекала къ себѣ мою матушку вслѣдствіе ея религіознаго направленія.

Мой отецъ, по своей службѣ въ гвардейской артиллеріи, былъ товарищемъ и другомъ Авр. Серг. Норова, занимавшаго постъ министра народнаго просвѣщенія въ 50-хъ годахъ. Въ 1855 году, отецъ, въ одну изъ своихъ поѣздокъ изъ деревни въ Казань,—случайно узналъ, что министръ народнаго просвѣщенія находится въ Казани, и, разумѣется, посѣтилъ его; встрѣча друзей, не издавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, была очень нѣжная. У Норова отецъ познакомился съ попечителемъ казанскаго университета Влад. Порф. Молоствовымъ, ректоромъ Ив. Мих. Симоновымъ и многими профессорами; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ знакомъ раньше, при другихъ условіяхъ.

Моя матушка была родная сестра Конст. Дм. Кавелина, ученая и общественная дѣятельность котораго въ 50-хъ годахъ пользовалась

широкой извѣстностью. Его «Записка объ освобожденіи крестьянъ», гдѣ предлагалось надѣленіе ихъ землею, съ жадностью переписывалась казанской интеллигентной молодежи, а среди помѣщиковъ поселяла не только удивленіе, но просто страхъ: они читали ее, тщательно затворивъ предварительно двери, и держали ее постоянно запертой подъ ключемъ. Такое значеніе его «записки» вмѣстѣ съ приглашеніемъ его въ преподаватели къ Наслѣднику Престола, Великому Князю Николаю Александровичу, въ 1857 году, производили въ интеллигентныхъ кружкахъ Казани большое впечатлѣніе: Кавелинъ приобрѣталъ политическое положеніе въ то важное время, когда поставленъ былъ на разрѣшеніе крестьянскій вопросъ. Занятіе имъ въ томъ же 1857 году вновь профессорской кафедрѣ, на этотъ разъ въ петербургскомъ университетѣ, встрѣчено было съ восторгомъ людьми науки и заставило припомнить прежнюю его ученую дѣятельность. Гораздо ранѣе переѣзда нашего въ Казань, посредствомъ Кавелина мои родители познакомились съ профессорами казанскаго университета. Такъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, когда матушка

пріѣхала изъ деревни въ Казань и остановилась у нашихъ родственниковъ, Горталовыхъ,—къ ней явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Кавелина молодой адъюнктъ профессора Фойгта, Ник. Никит. Буличъ. Кавелинъ рекомендовалъ сестрѣ «даровитаго юношу» и просилъ обласкать его. Изъ разговора съ Буличемъ матушка узнала, что онъ казанскій старожилъ и, расхохотавшись, сказала ему: «такъ вамъ, Ник. Никитичъ, слѣдуетъ меня приласкать, а не мнѣ васъ! Я только нѣсколько лѣтъ какъ въ Казани, а вы чуть не родились здѣсь».

Исторія отношеній моей матушки къ казанской духовной академіи вкратцѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Мой дѣдъ, Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, былъ человекъ очень благочестивый и богомольный въ строго православномъ смыслѣ и любилъ общество духовныхъ лицъ; это свойство перешло всецѣло и къ его дочери—моей матери. Длинный рядъ архіереевъ, начиная съ московскаго митрополита Филарета, является въ числѣ близкихъ знакомыхъ дѣда. Таковымъ былъ и рязанскій архіепископъ Григорій Постниковъ, съ которымъ Дм.

Александр. Кавелинъ сблизился во время службы своей въ Рязани, при генераль-губернаторѣ Балашовѣ, еще въ двадцатыхъ годахъ, въ царствованіе Императора Александра I. Тогда матушка была дѣвочкой 12—14 лѣтъ. Григорій Постниковъ назначенъ архіепископомъ казанскимъ вскорѣ послѣ переѣзда моихъ родителей изъ Москвы въ ихъ казанскую деревню Арышхазду, и весьма естественно, что матушка, которая сохранила о Рязани самыя лучшія воспоминанія,—поспѣшила посѣтить преосвященнаго Григорія. Черезъ архіепископа Григорія матушка знакомилась послѣдовательно, т. сказ. преимущественно, съ ректорами казанской духовной академіи, архимандритами Григоріемъ, Парѣніемъ и Агаѳангеломъ.

Вотъ вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ по переѣздѣ моихъ родителей въ Казань, и представители университета, и ректоръ духовной академіи Агаѳангелъ, занимавшій этотъ постъ въ 1856 году, сдѣлались частыми посѣтителями нашего дома.

Прежде всего расскажу о такъ называемыхъ «студенческихъ исторіяхъ», которыя совершились на моихъ глазахъ въ теченіи 1856—1860 г.г.

I I.

Нравы казанскихъ студентовъ до половины 50-хъ годовъ и студенческія пѣсни того времени — Раздѣленіе студентовъ на группы. — Такъ назыв. „студенты аристократы“ — Первое «общественное» движеніе среди казанскихъ студентовъ. — Семейство Лебедевыхъ. — Студентъ Рычкуновъ и инцидентъ съ Ушаковыми — Студенческая исторія изъ за этого инцидента. — Попечитель Вл Порф. Молоствовъ.

До половины 50-хъ годовъ большинство казанскаго студенчества отличалось кутежами, буйствомъ и выходками школьнаго «молодечества», нерѣдко весьма грубыми. Эта «героическая» пора студенческаго разгула создала цѣлый циклъ стихотворныхъ произведеній, сочиненныхъ студентами, ими же положенныхъ на голоса и распѣвавшихся даже въ началѣ 60-хъ годовъ, когда я уже былъ студентомъ, и нѣкоторыя изъ нихъ отличались несомнѣнными поэтическими достоинствами. Вотъ, на примѣръ, отрывки изъ одной такой пѣсни, «думы студента-повѣсы», припоминавшего свое бывшее.

Стою одинъ я предъ избушкой,
Кругомъ все тихо и темно,
Но съ этой бѣдною лачужкой
Какъ много думъ сопряжено!

Закрыты окна... чуть трепещеть
 Огонь сквозь щели по ставнямъ,
 То онъ погаснетъ, то заблещетъ
 Передо мною здѣсь и тамъ!
 И слышу разговоръ невнятный,
 Смѣшеніе пьяныхъ голосовъ,
 Стакановъ звонъ, смѣхъ мнѣ пріятный,
 И много непристойныхъ словъ . . .

 Повязка спала съ грѣшныхъ глазъ
 И я студентъ, студентъ повѣса
 Былое вспомнилъ въ этотъ разъ!...

Пѣли студенты и другія пѣсни, очевидно
 занесенныя въ Казань заѣзжими нѣмцами про-
 фессорами съ ихъ родины, изъ германскихъ уни-
 верситетовъ, пѣсни, распѣвавшіяся на студенче-
 скихъ коммерсахъ Гейдельберга, Мюнхена и
 Берлина. Такова, напримѣръ, извѣстная нѣмец-
 кая пѣсня:

Sassa, geschmauset,
 Lasst uns nicht rappelköptisch sein,
 Der nicht mit sauset—
 Der bleibt allein.

Съ латинскимъ припѣвомъ:

Edite, bibite, collegiales,
 Post multa secula pocula nulla!

и т. д.

Пѣсни такого рода переводились на рус-
 скій языкъ и передѣлывались на русскіе нравы.

Одна изъ нихъ особенно любопытна въ томъ отношеніи, что продолженіе ея, чисто мѣстное, представляетъ шутивыя характеристики казанскихъ профессоровъ 50-хъ годовъ. Начало пѣсни—иноземное:

Знаете-ль причину,
Почему Ричардъ
Ѣздилъ въ Палестину
Турокъ воевать?
Я скажу причину—
Это потому,
Чтобы на полтину
Выпить одному.

Послѣ такого вступленія идетъ уже сатирическое воспѣваніе инспектора студентовъ Вас. Ив. Ланге, занимавшаго эту должность въ казанскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ.

Инспектору Ланге
Дѣлаетъ то честь,
Что онъ ходитъ къ Станге
Смотрѣть кто тамъ есть.

Въ то время извѣстный ресторанъ въ Казани содержался нѣмцемъ Ив. Богд. Станге; ресторанъ этотъ охотно посѣщался студентами, а Ланге, заботясь о нравственности учащагося юношества, тщательно наблюдалъ за его посѣщеніями.

Казанскіе профессора слѣдуютъ за инспекторомъ. Воспѣвались они въ слѣдующихъ виршахъ.

Мишенька Славянскій*)
Ходить пѣтушкомъ
Изъ породы испанской
Съ краснымъ гребешкомъ.

Дальнѣйшіе куплеты посвящены очень почетнымъ представителямъ науки нашего университета; въ нихъ задѣты: извѣстный математикъ А. Θεод. Поповъ; другой Поповъ, Александръ Васильевичъ, профессоръ монгольскаго языка; профессоръ финансоваго права Евгр. Григ. Осокинъ, ботаникъ Корнухъ-Троцкій, профессоръ римскаго права Фогель, хирургъ Андр. Ник. Бекетовъ, профессоръ русской исторіи Н. А. Ивановъ и еще нѣкоторые. Весьма характерно, что среди всѣхъ названныхъ профессоровъ, только Мод. Яковл. Китарры, профессоръ технологіи, о которомъ еще я буду говорить,—не осмѣяны студентами. Ему напротивъ, воздано искреннее почтеніе даже въ этомъ шутивомъ пѣснопѣіи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

*) Профессоръ всеобщей исторіи М. И. Славянскій.

Модесту Китарры
Славу мы поемъ, —
 Да хранить же Лары
 Его кровь и домъ!

Но, конечно, не всѣ студенты были кутилы и повѣсы. Повѣснически-кутежное направление было только преобладающимъ и ясно указывало на отсутствіе въ студенческой массѣ серьезныхъ стремленій. Среди такой массы выдѣлялись двѣ группы студентовъ: *учившихся* и т. наз. *аристократовъ*. Первые были скромные молодые люди изъ небогатыхъ семействъ, большею частью чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и преподавателей учебныхъ заведеній; они обучались на казенный счетъ (тогда почти не было стипендіатовъ, а былъ при университетѣ интернатъ для студентовъ, жившихъ на казенномъ иждивеніи); многіе студенты изъ этой категоріи давали частные уроки, и изъ ихъ-то почтенной среды были и мои учителя. Въ числѣ этихъ учившихся студентовъ въ то время попадалось весьма мало воспитанниковъ духовныхъ семинарій, доступъ изъ которыхъ въ университеты тогда былъ не такъ легокъ, какъ впоследствии. «Семинаровъ», какъ тогда ихъ называли полупрезрительно другіе студенты, не долюбивали

въ университетѣ; они поступали главнымъ образомъ на медицинскій факультетъ и частныхъ уроковъ не давали. «Аристократами» назывались студенты не только принадлежавшіе къ мѣстнымъ помѣщичьимъ семьямъ, но вообще люди богатые и съ обеспеченными средствами, и притомъ свѣтскіе, т. е. одѣвавшіеся болѣе или менѣе франтовато, имѣвшіе порядочныя манеры, водившіе знакомство въ дворянскихъ помѣщичьихъ кружкахъ и участвовавшіе въ тогдашнихъ развлеченіяхъ этихъ кружковъ: балахъ, вечерахъ, домашнихъ и «благородныхъ» спектакляхъ, пикникахъ и т. п. Изъ этого разряда студентовъ было мало серьезно занимавшихся и они, болѣею частью наполняли собою камеральный разрядъ юридическаго факультета, который, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, не требовалъ усидчивыхъ занятій; а потому и среди студентовъ назывался въ шутку утѣшительнымъ. «Аристократовъ» на другихъ факультетахъ было весьма немного — они составляли тамъ исключеніе. На языкѣ казанскихъ студентовъ того времени, какъ видно, слово: *аристократъ* было синонимомъ шалопая, пустозвона, и совершенно не соответство-

вало своему дѣйствительному этимологическому и соціальному значенію.

Осенью 1856 года въ казанскомъ университетѣ произошло первое движеніе среди студентовъ съ зачатками «общественныхъ» интересовъ. Въ немъ впервые проявилось сознаніе въ студенчествѣ корпоративности, солидарности, общности интересовъ, хотя выразилось оно въ очень неопредѣленномъ видѣ и въ весьма грубыхъ формахъ. Поэтому, по справедливости, это движеніе можетъ быть названо симптомомъ переходнаго времени отъ періода кутежно-повѣсническаго къ періоду болѣе серьезныхъ движеній.

Это проявленіе сознанія «общественныхъ» интересовъ среди казанскихъ студентовъ выразилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 50-хъ годахъ, среди помѣщичьяго дворянскаго круга, особо замѣтную роль игралъ въ Казани домъ Лебедевыхъ. Глава семейства — Александръ Евграфовичъ былъ очень богатъ; жена его, Марья Степановна, рожденная Стрекалова, была дочерью Степана Степановича Стрекалова, долго (въ 30-хъ и въ первой половинѣ 40-хъ

годовъ) занимавшаго постъ казанскаго военнаго губернатора. Въ то время военные губернаторы, а въ особенности такой, какимъ былъ Стрекаловъ, играли въ провинціи несравненно болѣе видную роль, чѣмъ теперешніе, будучи въ буквальномъ смыслѣ слова *хозяевами* своей губерніи. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась дѣйствительная власть надъ всей губерніей, и военная и гражданская; войска, расположенныя въ губерніи, полиція и управленіе городовъ и всѣхъ уѣздовъ,—все, чѣмъ вѣдаютъ теперь городскія думы и земскія учрежденія, а равно и судъ—все это было подчинено военному губернатору. Но служебныя отличія и личный симпатичный характеръ Степ. Степ. Стрекалова—еще болѣе усиливали его значеніе въ тогдашнемъ казанскомъ обществѣ. Онъ былъ сынъ одного изъ немногихъ статсъ-секретарей Императрицы Екатерины II, участникъ войны 1812 года, генералъ-адъютантъ, а до Казани занималъ отвѣтственный постъ военнаго губернатора въ Тифлисѣ. Какъ человекъ, Стрекаловъ отличался большою добротою, доступностью для всѣхъ, честностью, мягкостью и любезностью въ обращеніи. Въ Казани его всѣ очень

любили, что и доказали необыкновенно теплымъ и задушевнымъ съ нимъ прощаніемъ въ 1844 г. при оставленіи имъ должности казанскаго военнаго губернатора и назначеніи сенаторомъ. Въ 1856 году Стрекалова уже не было въ живыхъ, а казанскимъ военнымъ губернаторомъ былъ въ то время Ираклій Абрамовичъ Боратынскій, родной братъ поэта, Евгенія Абрамовича. У Александра Евграфовича и Марьи Степановны Лебедевыхъ было большое семейство, состоявшее изъ пяти дочерей, старшей изъ которыхъ было въ то время 17 лѣтъ, и нѣсколькихъ сыновей. Къ среднимъ по возрасту барышнямъ и къ старшему сыну на лѣто былъ взятъ учитель студентъ Рычкуновъ, съ которымъ познакомилась въ имѣніи Лебедевыхъ Антонина Александровна Ушакова, ихъ родственница, имѣвшая также нѣсколько дочерей, и пригласила Рычкунова бывать у нея въ Казани, въ качествѣ знакомаго. Въ началѣ осени 1856 года у Ушаковыхъ, по случаю какого-то семейнаго праздника былъ назначенъ танцевальный вечеръ; Рычкуновъ утромъ явился поздравить Ант. Александр. Ушакову и былъ ею приглашенъ на вечеръ. Захлопотавшись съ приготовленіями къ

вечеру, она забыла предупредить объ этомъ своего мужа Николая Александровича, человѣка желчнаго, раздражительнаго, надменнаго и грубаго. Ушаковъ кичился почему-то своимъ происхожденіемъ, и занимая должность начальника Казанскаго удѣльнаго управленія, имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, что въ то время было, въ особенности въ провинціи, рѣдкостью, не то что въ наши дни, когда въ Казани «штатскихъ генераловъ» можно считать десятками, или дюжинами—*ad libitum*. Наткнувшись у себя на вечерѣ на студента Рычкунова, Ушаковъ спросилъ его своимъ грубо-отрывистымъ голосомъ:

— «Кто вы такой и на какомъ основаніи у меня въ домѣ?»

Рычкуновъ сконфузился, сталъ объяснять Ушакову, какимъ образомъ его пригласила Антонина Александровна, и началъ извиняться передъ нимъ, что не представился ему раньше.

Кажется, всеэтимъ и должно было бы кончиться, и всякій другой на мѣстѣ Ушакова, конечно, вполне удовлетворился бы объясненіями молодого человѣка; но не таковъ былъ Николай

Александровичъ. Онъ еще болѣе рѣзко попросилъ Рычкунова немедленно уѣхать, такъ какъ онъ не привыкъ и не желаетъ видѣть у себя на вечерѣ незнакомыхъ ему молодыхъ людей.

Сконфуженный студентъ исполнилъ желаніе Ушакова. Объясненіе его съ Рычкуновымъ быстро стало извѣстнымъ среди гостей, и всѣ студенты, бывшіе на вечерѣ, приняли къ сердцу незаслуженное оскорбленіе своего товарища и немедленно оставили домъ Ушакова. Лишь два студента не послѣдовали остальнымъ. Это были математики, братья Нагловскіе, родственники казанскихъ помѣщиковъ Леонтьевыхъ,—Дмитрій Станиславичъ и Модестъ Станиславичъ. И въ казанскомъ обществѣ, и среди студентовъ, братьевъ Нагловскихъ звали *Митенька* и *Моденька*, такъ какъ они, принадлежа къ кружку студентовъ-аристократовъ, отличались приличными манерами, безукоризненнымъ поведеніемъ и ни въ какихъ шалостяхъ и кутежахъ студентовъ не участвовали. Моденька умеръ вскорѣ послѣ 1856 года, отъ тифа, еще будучи студентомъ, а Митенька, окончивъ курсъ въ казанскомъ университетѣ кандидатомъ,

прошелъ затѣмъ двѣ военныя академіи: артиллерійскую и генеральнаго штаба и былъ въ турецкую войну 1877—78 г.г. однимъ изъ самыхъ видныхъ боевыхъ генераловъ. Занимая въ эту войну мѣсто начальника штаба въ корпусѣ генерала Гурко, Дм. Станисл. Нагловскій является однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ этого полководца.

Такимъ образомъ произошелъ крупный скандалъ, перешедшій въ «студенческую исторію».

Ушаковъ запретилъ своимъ дочерямъ танцовать со студентами, а студенты стали всячески добиваться возстановленія своей репутаціи и ополчились цѣлой войной на Ушаковыхъ. По городу пошли разные слухи. Разсказывали, на примѣръ, что разъ вечеромъ студенты, подкарауливъ на улицѣ карету Ушаковыхъ, въ которой ѣхали барышни Ушаковы съ ихъ мамашей съ бала, заставили барышень провальсировать съ ними на улицѣ; а такъ какъ дѣло было зимой, то такой импровизированный танецъ, кромѣ оскорбленія нравственнаго, могъ весьма неблагоприятно повліять и на здоровье молодыхъ дѣвушекъ. Ушакову-отцу посылались анонимныя

письма угрожающаго характера, а однажды—такъ передавала городская молва—въ окно казенной квартиры Ушакова полетѣлъ камень и разбивъ стекла, упалъ на полъ въ гостиной, въ которой въ то время было много гостей. Все это не могло не волновать и казанское общество, и студентовъ, про которыхъ по городу пошли самые неодобрительные отзывы. Многія лица изъ такъ - называемаго общества открыто порицали и даже бранили студентовъ. Въ числѣ этихъ порицателей были два офицера, находившіеся въ то время въ отпуску въ Казани — кн. Оболенскій и Лобачевскій, сынъ извѣстнаго профессора математика, столѣтній юбилей дня рожденія котораго Казань недавно отпраздновала съ такимъ почетомъ. Студенты рѣшили «наказать» этихъ двухъ офицеровъ и подкарауливъ ихъ, послѣ какого-то бала, избили на улицѣ.

Дѣло начинало принимать серьезный характеръ. Студенты стали собираться въ сходки и обсуждать свои дальнѣйшія мѣропріятія и въ концѣ концовъ рѣшили прямо объясниться съ попечителемъ учебнаго округа, Влад. Порф. Молоствовымъ. Студенты вечеромъ собрались въ

актовую залу. Молоствовъ, бывшій въ гостяхъ у губернатора Боратынскаго, явился на сходку и, растерявшись отъ неожиданности, обратился къ студентамъ съ рѣчью, въ которой хотѣлъ, прежде всего, разъяснить имъ неблаговидность ихъ поступковъ. Началъ онъ эту рѣчь весьма странно, желая, повидимому, представить историческій обзоръ всего дѣла.

— «..... Барышни Ушаковы»,—такъ началъ попечитель, но... сказать рѣчи ему не удалось. Онъ былъ прерванъ рѣзкимъ свистомъ, а затѣмъ поднялся страшный шумъ и гвалтъ среди студентовъ. Попечитель долженъ былъ удалиться. Исходъ этого инцидента былъ весьма печаленъ. Наряжена была слѣдственная комиссія и главный «зачинщикъ» безпорядковъ, студентъ Ив. Ник. Умновъ былъ отданъ въ солдаты; остальные, менѣе виновные, были исключены изъ университета, съ подраздѣленіемъ, какъ это всегда бываетъ, на разныя категоріи: съ удаленіемъ изъ университета на всегда и съ удаленіемъ на разные сроки.

Эта первая въ Казани «университетская исторія» не могла, разумѣется, не надѣлать боль-

шого шума въ городѣ. Она даже нашла себѣ мѣсто въ беллетристикѣ: съ нѣкоторыми отступленіями отъ дѣйствительныхъ фактовъ, съ неизбѣжными въ этомъ случаѣ литературными прикрасами, съ измѣненіемъ дѣйствительныхъ фамилій ея участниковъ, она разсказана П. Д. Бобарыкинымъ, въ его первомъ крупномъ произведеніи, романѣ «Въ путь-дорогу». Г. Бобарыкинъ былъ въ то время студентомъ казанскаго университета и вслѣдъ за этой исторіей перешелъ въ дерптскій, (нынѣ юрьевскій) университетъ.

Недолго послѣ этой исторіи пробылъ въ Казани и попечитель Молоствовъ. Въ 1857 году онъ былъ избранъ сенаторомъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Я мало помню Молостова, хотя онъ и бывалъ у батюшки, но, на основаніи всего, что я о немъ слышала и въ тѣ годы, и впоследствии, я имѣю возможность сообщить о немъ весьма точныя свѣдѣнія.

Владиміръ Порфирьевичъ Молоствовъ (р. 1796—1866 г.) происходилъ изъ обширнаго казанскаго дворянскаго рода Молостовыхъ, московскихъ служилыхъ людей, «испомѣщенныхъ» въ среднюю Поволжью еще при Царѣ Иоаннѣ

Грозномъ,—и отличался многостороннимъ образованіемъ. Окончивъ курсъ въ знаменитомъ нѣкогда училищѣ колонновожатыхъ, основанномъ ученымъ математикомъ и инженеромъ, Ник. Ник. Муравьевымъ, отцомъ извѣстныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, графа Мих. Ник. Муравьева Виленскаго и Ник. Ник. Муравьева Карскаго,—Влад. Порф. Молоствовъ поступилъ въ 1814 году въ адъютанты къ любимому племяннику Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцу Евгенію Вюртембергскому. Принцъ Евгений состоялъ въ русской военной службѣ, нося чинъ генералъ-майора съ десятилѣтняго возраста, и прибылъ въ Петербургъ въ 1801 г., еще при Императорѣ Павлѣ, тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Въ войнахъ Императора Александра I съ Наполеономъ принцъ принималъ дѣятельное и выдающееся участіе, и Молоствовъ, сблизившись и затѣмъ подружившись съ нимъ, съ 1814 года не разставался съ принцемъ Евгениемъ въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ. Послѣ умиротворенія Европы въ 1815 году, Молоствовъ поселился въ родовомъ замкѣ принца Евгенія Вюртембергскаго—Карлсруэ, въ Силезіи, лишь

изрѣдка наѣзжая оттуда въ Петербургъ, и, конечно, не могъ не поддаться вліянію тѣхъ культурныхъ условій, которыя составляютъ какъ бы традиціонное достояніе Вюртембергскаго герцогскаго дома. Природныя склонности Владиміра Порфирьевича: страсть къ чтенію, къ музыкѣ, игнѣю и вообще къ искусству, способность къ усвоенію языковъ—широко развились въ Карлсруэ, въ кружкѣ герцога Евгенія, въ числѣ членовъ котораго находился самъ великій творецъ «Фауста»—Гёте. Въ Силезіи доселѣ еще не совсѣмъ замеръ первоначальный коренной элементъ ея населенія—славянскій; а сосѣдство этой области съ двумя основными западно-славянскими племенами—чехами и поляками, ставило Молодцова съ молодыхъ его лѣтъ, т. сказ., въ центръ западнаго славянскаго міра, и онъ близко знакомится съ этимъ міромъ, изучая его рѣчь, бытъ и нравы и сближаясь съ представителями только что возникавшаго въ то время «славянскаго возрожденія». Женившись на русской (Авд. Вас. Повалишиной), Молодцовъ всѣхъ своихъ дѣтей воспиталъ въ Германіи, и это воспитаніе не могло не отразиться на нихъ, нало-

живъ на все семейство Владиміра Порфирьевича своеобразную печать нѣмецкой культурности, рѣзко отличавшую ихъ среди ихъ сверстниковъ, дѣтей казанскихъ помѣщиковъ, учившихся и воспитывавшихся у себя дома. Въ 1838 г. судьба переноситъ Влад. Порф. Молостова изъ культурнаго и покойнаго (Carlsruhe) уголка Силезіи въ край, во всѣхъ отношеніяхъ совершенно противоположный—и некультурный, и безпокойный: онъ попадаетъ въ наказные атаманы уральскаго казачьяго войска и подъ начальствомъ оренбургскаго генераль-губернатора, графа Вас. Ал. Перовскаго совершаетъ гибельный для русскаго войска и безрезультатный относительно первоначальной задачи хивинскій походъ. Изъ хивинскихъ и прикаспійскихъ степей генераль Молостовъ назначается въ 1847 году попечителемъ казанскаго учебнаго округа, на мѣсто переведеннаго въ петербургскіе попечители, также стариннаго казанскаго дворянина и помѣщика, Михаила Ник. Мусина-Пушкина. Сенаторство Молостова было номинальное. Послѣ долгаго пребыванія на восточныхъ русскихъ окраинахъ, въ такихъ діаметрально - противоположныхъ долж-

ностяхъ, какъ казачій атаманъ и попечитель учебнаго округа,—его снова влекло въ Силезію, въ «Карловъ покой». Его другъ, герцогъ Евгений умеръ, но были живы вдовствующая герцогиня и сынъ, и вотъ Влад. Порф. Молоствовъ переѣзжаетъ съ женой въ Карлсруэ. Тамъ проводитъ онъ послѣдніе года своей жизни, отдыхая подъ старость воспоминаніями о своей молодости. Тамъ онъ умеръ и погребенъ.

Молоствовъ былъ попечителемъ стараго типа, «Николаевскаго», изъ военныхъ генераловъ и при новыхъ вѣяніяхъ подвергался разнымъ несправедливымъ нареканіямъ. Иные, считая его зауряднымъ генераломъ, не находили въ немъ достаточной подготовки для занимаемаго имъ отвѣтственнаго поста; другіе основывали свои сужденія о немъ на его необыкновенной разсѣянности, доходившей иногда до невѣроятныхъ размѣровъ. При Императорѣ Николаѣ I все облекалось въ военную внѣшность, которая само собою, не исключала во многихъ людяхъ этого царствованія серьезнаго содержанія; и попечители Николаевскаго времени изъ военныхъ далеко не были гонителями науки вродѣ Магницкаго,

который, напротивъ, палъ при воцареніи Императора Николая I; наоборотъ многіе изъ нихъ прекрасно понимали задачи науки и высшаго, академическаго преподаванія и отличались большою независимостью. Для подтвержденія моихъ словъ достаточно припомнить двухъ попечителей 30-хъ и 40-хъ годовъ: московскаго—графа Серг. Григ. Строганова и кіевскаго — фонъ-Брадке. До нѣкоторой степени такими попечителями были и предшественникъ Молостова въ Казани Мусинъ-Пушкинъ (служившій до своего попечительства въ кавалергардахъ), и самъ Молостовъ. Влад. Порф. Молостовъ былъ казанскимъ попечителемъ въ болѣе чѣмъ трудное,—въ критическое для русскихъ университетовъ время: то были—сначала злосчастная пора гоненія на русскую науку и русскую мысль, воздвигнутая послѣ европейскихъ событій 1848 года, когда самое существованіе русскихъ университетовъ висѣло на волоскѣ, а затѣмъ—эпоха реакціи этому гоненію, наступившая съ воцаренія Императора Александра II.

Для характеристики Молостова и того времени, въ которое онъ управлялъ казанскимъ

учебнымъ округомъ, являются весьма важными слѣдующіе два факта, извлеченные изъ оффиціальныхъ документовъ¹⁾. Уѣзжая изъ Казани, попечитель обратился къ членамъ совѣта казанскаго университета съ письмомъ, которое и было доложено въ совѣтъ. «Оставляя университетъ послѣ почти десятилѣтняго моего имъ управленія,—писалъ въ этомъ письмѣ попечитель,—я считаю самую пріятною обязанностью выразить г.г. просвѣщеннымъ членамъ его мою душевную благодарность за столь ревностное и просвѣщенное ихъ содѣйствіе въ столь важной возложенной на меня обязанности по дѣлу образованія юношества. При этомъ позволю себѣ увѣрить г.г. членовъ университета, что время, проведенное мною въ средѣ ихъ будетъ для меня незабвенно». А вотъ второй фактъ: Молоствовъ, уже будучи сенаторомъ, исходатайствовалъ прошеніе отданному въ солдаты студенту Умнову, пострадавшему за оскорбленіе нане-

1) См. ст. Н. А. Ойрсова: «Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ 1855—1863 г.г.», Русск. Стар. 1889 г., т. LXI, с. 563—564.

сенное лично ему, Молоствову, какъ о томъ было разказано выше. Умновъ снова былъ принятъ въ университетъ.

Комментаріи къ этимъ фактамъ излишни: они говорятъ сами за себя.

III.

Преемникъ Молостова Э. А. Груберъ. — Его жена. — Новыя движенія среди казанскихъ студентовъ. — Зачинъ общественныхъ студенческихъ учреждений. — Студенческіе спектакли и концерты и артисты среди студентовъ. — Помощникъ попечителя, Э. Э. Веселаго. — Студенческое движеніе по поводу лекцій Н. Н. Булича. — Новый попечитель, кн. Пав. Петр. Вяземскій.

На мѣсто Молостова попечителемъ въ Казань назначенъ человѣкъ очень безцвѣтный, и причиной его назначенія являлось быть можетъ лишь то обстоятельство, что онъ былъ *свой* человѣкъ въ Казани, не только уроженецъ нашего города, но и студентъ перваго выпуска казанскаго университета, товарищъ по ученію въ немъ С. Т. Аксакова, министра финансовъ

А. М. Княжевича и поэта-идиллика Вл. Ив. Панаева. То былъ членъ главнаго правленія училищъ, т. сов. Эварестъ Андр. Груберъ, недолго занимавшій свой постъ: онъ умеръ черезъ два года, 22 апрѣля 1859 г. О Груберѣ почти ничего даже и слышно не было; за то большой извѣстностью пользовалась въ казанскомъ обществѣ его жена, дама еще молодая, по годамъ годившаяся въ дочери своему мужу и очень любившая развлечения и свѣтскія удовольствія. М-те Груберъ была хорошей музыкантшей, пѣла въ концертахъ романсы и участвовала въ любительскихъ спектакляхъ, бывшихъ тогда въ Казани въ большой модѣ и оффиціально носившихъ названіе «благородныхъ». Особые лавры пожинала она въ такихъ, напримѣръ, пьесахъ, какъ комедія-водевиль гр. В. А. Соллогуба: «Бѣда отъ нѣжнаго сердца». Люди серьезные не одобряли такого поведенія, да и молодежь, въ томъ числѣ и студенты, которыми м-те Груберъ любила себя окружать, весьма естественно втайнѣ подтрунивали надъ молодой женой старика-попечителя.

Въ попечительство Грубера проявилась въ

студенческихъ движеніяхъ уже новая нота. Студенты произвольно сочли себя вправѣ выражать «порицаніе» устарѣвшимъ по ихъ мнѣнію въ научномъ отношеніи профессорамъ. Такія порицанія, хотя въ очень умѣренномъ видѣ, были выражены декану медицинскаго факультета, профессору физиологіи В. Ѳ. Берви, и профессору всеобщей исторіи В. М. Ведрову, едва только заступившему мѣсто М. И. Славянскаго, переведеннаго въ Москву на должность инспектора классовъ одного изъ тамошнихъ женскихъ институтовъ. Берви оставилъ кафедру въ 1858 г., а В. М. Ведровъ въ 1859 г.

Въ эти же года, по примѣру университетовъ петербургскаго и московскаго, стали и въ казанскомъ организовываться разныя студенческія «учрежденія». Они не разрѣшались начальствомъ оффиціально, но и не преслѣдовались. Оффиціальную санкцію они получили позднѣе, въ то время, когда я уже поступилъ въ университетъ. Во всѣхъ этихъ студенческихъ учрежденіяхъ въ то время политическій элементъ совершенно отсутствовалъ, а было только широко развито товарищеское общеніе и преслѣ-

довалась благая мысль о расширеніи свѣдѣній и о бѣльшемъ умственномъ саморазвитіи. Возникла между студентами самопомощь, стала образовываться студенческая касса, основывались студенческія библіотеки по факультетамъ, возникали кружки между студентами по мѣсту ихъ родины и обученія до университета—образъ позднѣйшихъ землячествъ. Первая мысль о такихъ кружкахъ, сколько мнѣ помнится, возникла среди сибиряковъ. И въ библіотекахъ, и въ «кружкахъ» студенты собирались, читали и обсуждали прочитанное. Библіотеки организовывались подъ руководствомъ профессоровъ. Такъ, я помню, какое живое участіе принималъ въ организаціи историко-филологической библіотеки Нилъ Александровичъ Поповъ. Книги въ библіотеки въ большинствѣ случаевъ жертвовались и кромѣ того выписывались по добровольной подпискѣ между студентами. Въ пользу недостаточныхъ студентовъ давались концерты и спектакли студентами и любителями изъ дворянскихъ кружковъ и весьма охотно посѣщались публикой. Въ то время студентамъ считалось неудобнымъ играть съ актрисами, а

для женскихъ ролей на ихъ спектакляхъ не находилось подходящихъ исполнительницъ изъ т. назыв. свѣтскихъ барышень; а потому на студенческихъ спектакляхъ давались тѣ немногія пьесы, въ которыхъ не было женскихъ ролей (какъ напр. «Игроки» Гоголя, водевиль «Хочу быть актеромъ»), или же тѣ акты изъ большихъ драмъ и комедій, въ которыхъ не являлись на сценѣ дамы. Среди студентовъ находились очень хорошіе артисты, актеры и музыканты. Въ числѣ первыхъ выдавались Федяй и Д. Н. Ларіоновъ, въ числѣ вторыхъ—Чубовскій, Беневитскій и Аленицынъ. Одинъ студентъ (фамилію его я забылъ) явился даже въ качествѣ драматическаго автора. Написанный имъ водевиль «Призракъ», музыку для куплетовъ котораго составилъ Аленицынъ, давался на казанской публичной сценѣ, т. е. разыгрывался настоящими актерами и имѣлъ успѣхъ.

Помощникомъ попечителя при Молодцовѣ и Груберѣ былъ Ѳ. Ѳ. Веселаго, ученый математикъ и морякъ, имѣвшій въ то время чинъ полковника. Студенты иначе и не называли его, какъ «полковникъ». По смерти Грубера, до на-

значеніи новаго попечителя, Веселого управлять казанскимъ учебникомъ окружить, и въ это-то время, т. е. слѣд. въ «мелодушарствіе», произошла новая, болѣе бурная, чѣмъ всѣ предыдущія, студенческая «исторія». Поводомъ для нея послужили лекціи Н. Н. Булича, о которомъ упомянуто было выше, и разыгралась она осенью 1859 года.

Н. Н. Буличъ, пробывъ перель тѣмъ годъ за границей, занявъ, по возвращеніи въ Казань, кѣдру К. К. Фейгта, переведеннаго въ Харьковъ помощникомъ попечителя, и съ осени 1859 г. открывъ курсъ исторіи русской литературы XVII—XVIII вв. Студенты приподыми въ восторгъ отъ чтеній молодого профессора, находятъ ихъ очень «либеральными». Среди студентовъ циркулировали даже въ то время стихи, въ которыхъ, между прочимъ, находилась слѣдующая строфа:

Говорятъ, что нѣтъ печальный,
Нашъ оверный, мрачный край,—
Освѣщаетъ либеральный
Только Буличъ Николай!

Въ сущности либерализмъ чтеній Н. Н.

Булича сводился къ оглашенію съ кафедры научныхъ результатовъ тѣхъ новыхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы XVII и XVIII в.в., которыя появлялись тогда у насъ въ печати, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ субъективныхъ мнѣній профессора по воззрѣніямъ своимъ примыкавшаго къ т. наз. западникамъ. Такія лекціи были въ то время въ Казани новостью и возбудили большой энтузіазмъ среди студентовъ, выразившійся въ дружныхъ и частыхъ апплодисментахъ.

Ө. Ө. Веселаго строго отнесся къ апплодисментамъ, увидавъ въ нихъ такую же демонстративную выходку со стороны студентовъ, только выраженную въ противоположномъ направленіи, какая была съ ихъ стороны заявлена противъ Берви и Ведрова. Начались сходки, на которыхъ обсуждались какъ лекціи Булича, такъ и распоряженія начальства, и эти сходки повели къ исключенію многихъ студентовъ, главнымъ образомъ историко-филологическаго факультета, которые были высланы изъ Казани съ жандармами въ мѣста ихъ родины. Но эта высылка повела къ новымъ броженіямъ среди

студентовъ. На сходкахъ рѣшено было всѣми студентами выйти изъ университета. Такъ какъ коллективныя прошенія были запрещены и подача ихъ могла повести къ новымъ исключеніямъ, то студенты подавали отдѣльныя прошенія. Дальнѣйшихъ подробностей этой исторіи я не помню. Знаю только, что въ скоромъ времени всѣ студенты, подавшіе прошенія объ увольненіи изъ университета, были вновь въ него приняты; Н. Н. Буличъ же, также *по прошенію*, причисленъ къ министерству, и О. О. Веселого отозванъ изъ Казани. Очевидно тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій не одобрялъ дѣйствій казанскаго университетскаго начальства.

Вскорѣ послѣ того у насъ явился новый попечитель камеръ-юнкеръ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, сынъ извѣстнаго поэта 20-хъ и 30-хъ годовъ и друга Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, князя Петра Андреевича Вяземскаго. Былъ онъ у насъ попечителемъ недолго, до конца 1861 г., въ самое смутное время для казанскаго университета, но оставить по себѣ добрую память, какъ среди профессоровъ, такъ и

среди студентовъ. Уже одно это обстоятельство служить само по себѣ достойной характеристикой князя Вяземскаго. Это былъ попечитель новой, т. сказ. «реформенной» формациі. При министрѣ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскомъ, смѣнившемъ А. С. Норова, вмѣсто военныхъ генераловъ Николаевскаго времени, въ попечители учебныхъ округовъ стали назначать людей или изъ высшаго круга, имѣющихъ широкое общее образованіе, или же ученыхъ, пользующихся выдающеюся научной репутаціей. Такъ, въ Петербургъ былъ назначенъ князь Шербатовъ, въ Кіевъ—знаменитый врачъ-анатомъ и педагогъ Пироговъ, въ Москву (помощникомъ попечителя) графъ А. С. Уваровъ, молодой археологъ, сынъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія въ царствованіе Императора Николая I.

Князя П. П. Вяземскаго я хорошо помню. Онъ былъ большой оригиналъ, начиная съ наружности. Высокій ростомъ, необыкновенно тучный, съ густыми черными волосами на головѣ, всегда гладко выбритый, но не всегда какъ слѣдуетъ причесанный, нерѣдко весьма даже неряшливо одѣтый, и постоянно неразлучный съ

своимъ моноклемъ въ правомъ глазу,—князь отличался своеобразными, рѣзкими манерами, но въ нихъ тѣмъ не менѣе просвѣчивала воспитанность и привычка къ большому петербургскому свѣту, къ которому онъ принадлежалъ. Печать лѣни, усталости, апатіи лежала на всей его фигурѣ, хотя на самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ живой, даже весьма подвижный, очень разговорчивый, любезный, вѣжливый и способный къ занятіямъ, нерѣдко весьма усидчивымъ. Онъ держалъ себя чрезвычайно просто, непринужденно и со всякимъ равно. Не только съ губернаторомъ и другими провинціальными властями и людьми вліятельными, но и съ министромъ народнаго просвѣщенія (Е. П. Ковалевскій посѣтилъ Казань въ 1860 году) онъ обращался точно также свободно, какъ обращался и со своими подчиненными и со студентами. Чуждый всякой формалистики, не любившій внѣшнихъ «начальническихъ» пріемовъ и презиравшій всякое низкопоклонство, въ какой бы благовидной формѣ оно ни проявлялось, князь Вяземскій во всемъ обращалъ вниманіе на «суть» дѣла; терпѣть не могъ канцелярской переписки и пустой

официальности, и нерѣдко простой резолюціей на бумагѣ и словеснымъ разрѣшеніемъ быстро оканчивалъ такія дѣла, которыя при обычномъ русскомъ канцеляризмѣ, потребовали бы для своего «теченія»,—не говорю уже о разрѣшеніи,—недѣли и даже мѣсяцы. Князь любилъ общество, и вечеромъ большею частью проводилъ время въ дворянскомъ клубѣ, играя тамъ въ карты; возвращался домой онъ очень поздно, и казанская провинціальная публика недоумѣвала: когда же онъ занимается дѣломъ? А онъ занимался, что выражалось въ его дѣятельности по округу.

Въ Казани князь Вяземскій жилъ какъ бы на бивуакахъ. Онъ прибылъ къ намъ безъ жены, извѣстной нѣкогда красавицы, портретъ которой былъ помѣщенъ въ числѣ избранныхъ русскихъ красавицъ въ альманахѣ 30-хъ годовъ «Утренняя Заря»—и безъ дѣтей: очевидно свой постъ считалъ онъ временнымъ и случайнымъ, и каждое лѣто, а нерѣдко и на праздники зимой, уѣзжалъ въ Петербургъ. Его квартира въ казенномъ университетскомъ домѣ, гдѣ въ настоящее время помѣщается ректоръ университета,

носила всѣ признаки временнаго пребыванія и почти лишена была мебелировки. Въ этой квартирѣ онъ усердно занимался дѣлами и ежедневно принималъ у себя по утрамъ всѣхъ, кто до него имѣлъ надобность; профессора университета были для него желанными гостями. Онъ сближался съ ними и постоянно совѣщался по тогдашнимъ труднымъ университетскимъ дѣламъ. Но не съ одними профессорами входилъ въ общеніе новый попечитель. Онъ знакомился лично и съ педагогическимъ персоналомъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. У князя Вяземскаго, на его квартирѣ, собирались нерѣдко по вечерамъ и учителя гимназій, и учителя низшихъ казанскихъ училищъ — уѣзднаго и приходскихъ. Здѣсь, за чаемъ, съ папиросами и сигарами (князь очень много курилъ), въ безцеремонной бесѣдѣ, попечитель, разумѣется, могъ лучше узнать учителей и ихъ дѣятельность, чѣмъ при парадныхъ посѣщеніяхъ учебныхъ заведеній, большею частью извѣстныхъ тамъ заранее.

О простотѣ въ обращеніи князя Вяземскаго ходило много разсказовъ, приводившихъ казан-

цевъ въ немалое смущеніе; мѣстные вліятельные люди пожимали плечами, молодежь восторгалась. Вотъ два изъ такихъ разсказовъ.

Князь П. П. Вяземскій давно занимался «Словомъ о Полку Игоревѣ», этимъ любопытнымъ и загадочнымъ памятникомъ древней русской литературы, и сочиненіе его о немъ было напечатано въ началѣ 50-хъ годовъ, во «Временникѣ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ» (кн. XI). При назначеніи кн. Вяземскаго попечителемъ въ Казань, усердный и ревностный «угодникъ» всякому начальству, тогдашній директоръ I-й казанской гимназіи, Ив. Александр. Сахаровъ, поспѣшилъ приобрести эту книгу «Временника» и, выдравъ изъ нея монографію князя Вяземскаго, переплелъ и помѣстилъ на видномъ мѣстѣ въ гимназической библіотекѣ. Попечитель пріѣхалъ въ I-ю гимназію, обозрѣлъ ее, и разумѣется, не вошелъ въ подробную переборку всей библіотеки. Тогда Сахаровъ вынулъ книгу изъ шкафа и почтительнѣйше представилъ ее попечителю.

— «Это что за книга?» отрывисто спросилъ тотъ.

— Ученое изслѣдованіе вашего сіятельства,—раболѣпно-почтительно заявилъ директоръ.

Князь Вяземскій освободилъ свой правый глазъ отъ монокля и, взявъ въ руки книгу, взглянулъ на заглавіе.

— «Ахъ, да! Первый мой опытъ. Охота вамъ была тратить на это казенныя деньги! Въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, да и книга-то вовсе для гимназій непригодная».

Эффектъ произошелъ, очевидно, совершенно обратный, какого отнюдь не ожидалъ И. А. Сахаровъ.

Второй разсказъ не менѣе характеренъ. При назначеніи въ Казань, князь Вяземскій не имѣлъ еще «генеральскаго ранга»; но, кажется, въ тотъ же годъ получилъ таковой, а съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, какъ извѣстно, несовмѣстимо званіе камеръ-юнкера: или нужно получить камергера, или же произведенный лишается придворнаго званія. Князь Вяземскій очутился въ положеніи послѣднемъ и, поѣхавъ въ Петербургъ, не могъ уже представиться Государю въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, а долженъ былъ сшить себѣ мундиръ попечителя

казанскаго учебнаго округа. При представленіи, Императоръ Александръ II былъ удивленъ и тѣмъ, что князь Вяземскій не въ придворной формѣ, и тѣмъ, что на немъ какой-то странный мундиръ. Нужно замѣтить, что казанскій учебный округъ имѣлъ (до послѣдней нашей «мундирной» реформы) особые мундиры, шитье которыхъ, и по узору, и по цвѣту,—не подходило подъ мундиры министерства народнаго просвѣщенія. Чины центральнаго управленія министерства и всѣ учебные округа, за исключеніемъ казанскаго и харьковскаго, имѣли шитье золотое, а мы съ харьковцами—серебряное. Такое же шитье и синій цвѣтъ сукна мундира имѣли въ то время гражданскіе чины министерства путей сообщенія, которыхъ Государю не приходилось принимать у себя, потому что министрами и начальниками отдѣльныхъ частей этого вѣдомства были тогда все люди въ эполетахъ.

— «Что это, князь, на тебѣ за смѣшной мундиръ и почему ты не въ придворномъ?»—удивленно и укоризненно спросилъ Императоръ Александръ II.

—Очень просто почему, Ваше Величество,—

не стѣсняясь отвѣчалъ попечитель. Вамъ угодно было произвести меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и я не имѣю болѣе права быть Вашимъ камеръ-юнкеромъ, а потому и долженъ былъ явиться къ Вашему Величеству въ мундиръ казанскаго учебнаго округа.

Государь засмѣялся.—«Я тебя не привыкъ видѣть въ другомъ мундирѣ, какъ въ придворномъ; это ошибка»,—сказалъ онъ.

На другой же день князю Вяземскому былъ присланъ камергерскій ключъ.

Къ студентамъ кн. Вяземскій относился благожелательно. Хорошо понимая, что молодость есть удѣлъ каждому и памятуя стихъ Пушкина: «блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ»,—онъ добродушно смотрѣлъ на такія проявленія среди студенчества, которыя въ зрѣломъ возрастѣ не могли быть терпимы, а въ юношествѣ были лишь естественнымъ продуктомъ возраста, въ который «и кровь кипитъ, и силъ избытокъ». Ошибались тѣ, которые желали объяснять такое отношеніе князя Вяземскаго къ учащейся молодежи, или его слабохарактерностью, или лѣнью, или заискиваньемъ передъ

студентами съ цѣлью созданія себѣ репутаціи «либерала» и «передового». Не таковъ былъ князь Вяземскій, никогда ни передъ кѣмъ не заискивавшій и не любившій популярничанья. Я поступилъ въ университетъ при кн. Вяземскомъ и былъ очевидцемъ такого отношенія его къ студентамъ; хотя самые факты этого отношенія и не входятъ въ рамки моихъ теперешнихъ воспоминаній—о нихъ я расскажу какъ нибудь послѣ, когда буду припоминать свое студенчество, но въ настоящее время не могу отказать себѣ въ удовольствіи, для болѣе полной характеристики князя П. П. Вяземскаго, въ сообщеніи одного изъ эпизодовъ, относящихся къ послѣднему году его попечительства въ Казани и ко времени моего студенчества.

Въ 1861 году лѣтомъ пріѣзжалъ въ Казань Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и посѣтилъ университетъ. Помню прекрасно, какъ мы студенты стояли густой толпой въ большихъ университетскихъ сѣняхъ съ параднаго подъѣзда, когда Его Высочество подъѣхалъ къ университету. Сопровождаемый казанскимъ губернаторомъ Козляниновымъ и лицами свиты, Наслѣдникъ

Цесаревичъ, входя въ портикъ университетскаго подъязда, очень сконфузился, увидавъ передъ собой массу совершенно незнакомыхъ ему молодыхъ людей. Вдругъ раздался громкій и веселый голосъ князя Вяземскаго: «Имѣю честь представиться Вашему Императорскому Высочеству». Попечитель въ мундирѣ стоялъ въ дверяхъ университетскаго зданія и подалъ Великому Князю почетный рапортъ. Надо было видѣть радость Цесаревича, встрѣтившаго человѣка, хорошо ему знакомаго съ дѣтства. Я залюбовался и этой радостью, и той почтительной простотой, съ которой обращался съ Его Высочествомъ кн. Вяземскій. Попечитель повелъ Наслѣдника по аудиторіямъ, по кабинетамъ, все ему объясняя и рассказывая, и мы студенты слѣдовали за ними.

— «До свиданія, господа»,—ласково обратился къ намъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ поклономъ, и оставилъ университетъ. На другой и третій день онъ опять былъ въ университетѣ и слушалъ лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ: по фізіологіи—Овсянникова, по физикѣ—Болыцани и по исторіи русской литературы—Булича,

въ то время вернувшася въ нашъ университетъ. Послѣднему Цесаревичъ любезно замѣтилъ, что онъ напомнилъ ему его учителя, О. И. Буслаева.

I V.

Казанскіе профессора пятидесятихъ годовъ.—Профессора, знакомые моихъ родителей за время 1856—1860 г.г.—Ник. Никит. Буличъ и Викт. Ив. Григоровичъ. Ив. Конар. Бабстъ

Профессоровъ въ казанскомъ университетѣ въ 50-хъ годахъ было гораздо меньше чѣмъ теперь, потому что и студентовъ было почти втрое меньше, и специализация знаній, особенно на медицинскомъ факультетѣ, далеко не была такъ развита, какъ въ наши дни. Въ настоящее время покажется, напримѣръ, даже невѣроятнымъ, что одинъ профессоръ, а именно упомянутый выше В. О. Берви, занималъ двѣ кафедры, изъ которыхъ одна заключала въ себѣ сравнительную анатомію и физиологію чловѣка, а другая—общую патологію; П. И. Вагнеръ, будучи докторомъ медицины, являлся ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и геогнозіи

(подъ послѣдней разумѣлись геологія вмѣстѣ съ палеонтологіей) и вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ студентамъ естественнаго разряда сравнительную анатомію и фізіологію животныхъ; химія не подраздѣлялась на ея теперешнія развѣтвленія и преподавалась однимъ профессоромъ — правда знаменитымъ представителемъ этой науки А. М. Бутлеровымъ. Гордость и слава казанскаго университета — факультетъ восточныхъ языковъ, въ исходѣ 1854 года былъ переведенъ въ Петербургъ и съ нимъ оставили свой родной университетъ лучшіе наши профессора оріенталисты. Этимъ отторженіемъ восточнаго факультета казанскій университетъ былъ очень обезсиленъ въ научномъ отношеніи и утратилъ свою мѣстную и весьма оригинальную фізіономію, ставившую его наряду съ выдающимися европейскими учеными учрежденіями. Изъ всего факультета, какъ бы спасшимися послѣ крушенія остатками, являлись извѣстный монголистъ О. М. Ковалевскій, назначенный ректоромъ университета по смерти И. М. Симонова (въ 1855 г.) и бібліотекарь І. Ѳ. Готвальдъ, бывшій профессоромъ арабско-персидской словесности. Изъ числа

профессоровъ остальныхъ факультетовъ училось собственно въ казанскомъ университетѣ весьма немного, да и эти немногіе пріобрѣтали свои высшія ученыя степени въ университетахъ московскомъ и петербургскомъ, которые въ то время пользовались у насъ въ Поволжьи, удаленной отъ умственныхъ центровъ провинціи, авторитетомъ столичныхъ ученыхъ учреждений. Въ общемъ составѣ профессоровъ и преподавателей было немало нѣмцевъ, изъ которыхъ иные весьма плохо владѣли русскимъ языкомъ; это были тоже остатки прежней, почти сплошь нѣмецкой формации ученаго персонала нашего университета, являясь эпигонами отживавшаго направления абстрактно-философской нѣмецкой академической схоластики; тѣмъ не менѣе они имѣли еще силу и значеніе въ университетскомъ совѣтѣ, который въ 50-хъ годахъ распался на двѣ партіи: нѣмецкую — отживающую и русскую — прогрессивную. Къ первой изъ нихъ принадлежало, впрочемъ, нѣсколько и русскихъ профессоровъ.

Было не мало среди профессоровъ не только достойныхъ, но и выдающихся представителей науки. Имена профессора меха-

ники Котельникова, финансиста Осокина, зоолога Эверсмана, анатома Аристова, астронома Ковальскаго, химика Бутлерова и затѣмъ цѣлый рядъ ученыхъ, о которыхъ я буду сейчасъ говорить—служать лучшимъ тому доказательствомъ.

Мои родители были знакомы со многими профессорами казанскаго университета и, главнымъ образомъ, съ профессорами историко-филологическаго факультета. Н. Н. Буличъ, В. И. Григоровичъ, И. К. Бабстъ, С. В. Ешевскій, Н. А. Поповъ, В. Г. Варенцовъ—вотъ тѣ почтенные ученые, которые являлись частыми посѣтителями нашей гостинной съ 1856 по 1860 г. Бывали у насъ еще два профессора, не столь часто, какъ они, это—М. Я. Китарры и Ю. А. Микшевичъ. У Н. Н. Булича и В. И. Григоровича я слушалъ въ послѣдствіи лекціи, будучи студентомъ университета, а потому на нихъ я остановлюсь подробно въ своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ. Что же касается до профессора Микшевича, то его я мало помню до 1860 года, но помню очень хорошо за время моего студенчества и по окончаніи мною курса въ казанскомъ университетѣ.

Николай Никитичъ Буличъ, въ 1856 году тридцатилѣтній экстраординарный профессоръ по кафедрѣ русской словесности, привлекалъ меня къ себѣ прежде всего своею внѣшностью, необыкновенно изящной и щеголеватой. Въ то время это былъ высокаго роста брюнетъ, съ вьющимися, но тщательно приглаженными волосами, всегда безукоризненно одѣтый, съ ровной походкой и мягкими, любезными манерами въ обращеніи; съ плавной, размѣренной и тихой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ѣдкой и насмѣшливой, рѣчью; съ задумчивымъ, сосредоточеннымъ и нерѣдко ироническимъ выраженіемъ лица. Н. Н. Буличъ особенно часто бывалъ у насъ въ 1859 году, по возвращеніи изъ-за границы, именно въ ту пору, когда студенты восхищались его либеральными лекціями. Его продолжительное пребываніе за границей, что въ то время было далеко не такъ общедоступно, какъ теперь, и успѣхъ его университетскихъ чтеній—ставили въ моихъ глазахъ Н. Н. Булича на недостижимый для меня научный пьедесталъ. На него смотрѣлъ я, какъ на представителя строгой, западноевропейской науки, каковымъ онъ и былъ въ

дѣйствительности. Его лекціи по исторіи русской литературы, особенно новой, эпохи Петра Великаго, были взяты моимъ учителемъ, студентомъ-филологомъ Н. И. Виноградскимъ, въ качествѣ матеріала для уроковъ со мной и очень мнѣ нравились, главнымъ образомъ съ библіографической стороны. Эти лекціи, на ряду съ лекціями С. В. Ешевскаго, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и съ появившимися тогда въ журналахъ статьями изъ той же эпохи: Пекарскаго, Лонгинова, Сухомлинова, Щебальскаго, Семевскаго и др. оказали большое вліяніе на мои послѣдующія научныя занятія.

Викт. Ив. Григоровичъ, извѣстный славистъ, одинъ изъ основателей науки славяновѣдѣнія, по праву принадлежитъ къ весьма немногимъ изъ самыхъ выдающихся именъ въ русской наукѣ и въ исторіи нашего народнаго самосознанія. Это былъ мыслитель и ученый стараго типа, человѣкъ идеи прежде всего и въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова анахоретъ отвлеченной мысли и научнаго знанія. Въ житейской практикѣ, даже въ самыхъ обыденныхъ, несложныхъ дѣлахъ, онъ былъ совершеннѣйшій ребенокъ, по-

тому что жизнь духа, жизнь мысли—для него было все, а на вещественныя, матеріальныя условія жизни онъ не обращалъ никакого вниманія. Идеалистъ, съ оттѣнками мечтательности и мистицизма, романтикъ славянства, но отнюдь не славянофилъ въ московскомъ смыслѣ, Григоровичъ носилъ въ своей душѣ нравственные и умственные идеалы славянскаго единенія и братства, твердо вѣруя въ живучесть самобытной славянской культуры. Онъ особенно занимался первыми вѣками славянскаго самосознанія и югославянами, а потому былъ большой знатокъ, какъ византійской исторіи и письменности, такъ и древней письменности славянорусской. На этой почвѣ онъ сходилъ со многими учеными русскими монахами съ одной стороны и съ раскольниками старообрядцами съ другой. Во время пребыванія своего на Аѳонѣ, въ Болгаріи, Румелии и Македоніи, Григоровичъ вошелъ въ сношенія съ духовными лицами Балканскаго полуострова—славянами и греками, и сколько проходивцевъ изъ этого класса злоупотребляли довѣріемъ идеалиста-профессора въ Казани, являясь туда за подачками и милостынею!

Въ Казани Григоровичъ былъ долго. Съ 1842 по 1863 годъ, двадцать слишкомъ лѣтъ, занималъ онъ въ нашемъ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій и, несмотря на такое продолжительное время, въ казанскомъ обществѣ понимали его неправильно, оцѣнивая главнымъ образомъ, только съ внѣшней, наружной стороны. Его общей мысли, его научной системы большинство казанскаго общества не могло себѣ уяснить, теряясь въ подробностяхъ печатныхъ его трудовъ, представлявшихъ лишь незначительныя части, фрагменты того стройнаго зданія славяновѣдѣнія, которое было создано его обобщающимъ умомъ и которое всегда ясно предносилось его мысленному взору. Личный характеръ Григоровича былъ характеромъ очень сложнымъ и могъ легко также ввести въ заблужденіе, какъ и его ученые труды. Подъ кажущейся наивностью и якобы простосердечіемъ Григоровичъ скрывалъ большую, если можно такъ выразиться, дозу «духовной гордости», на что имѣлъ, разумѣется, полное право, и доходилъ въ этомъ отношеніи до весьма злой ироніи. Онъ насмѣшливо преувеличивалъ заслуги

многихъ ученыхъ, а себя, въ противоположность имъ, любилъ называть «плебеемъ», «скромнымъ и отсталымъ труженникомъ», «чернорабочимъ науки». Всецѣло отдаваясь поглощающей его мысль идеѣ, въ житейскомъ обиходѣ Григоровичъ отличался цѣлымъ рядомъ чудачествъ и оригинальныхъ манеръ. И вотъ, въ Казани почти всѣ знавшіе Григоровича смотрѣли на него, какъ на изслѣдователя мелочей, какъ на фантазера-антиквара, какъ на книжника-буквоѣда; иные считали его человѣкомъ наивнымъ, простецомъ, съ незлобивымъ и нѣжнымъ сердцемъ, другіе потѣшались надъ его чудачествами, его внѣшностью, его дѣйствительно странными манерами. Массу анекдотовъ, весьма смѣшныхъ, рассказывали о немъ—о его разсѣянности, о его забывчивости, о его странныхъ обычаяхъ, о безпорядкѣ въ его квартирѣ, о его своеобразномъ костюмѣ, въ которомъ онъ принималъ у себя, о его собачкѣ «Болванѣ», всюду его сопровождавшей и т. п. Такъ напримѣръ передавали такой анекдотъ: будто для того, чтобы не отвлекаться отъ своихъ научныхъ занятій, Григоровичъ нанялъ квартиру въ подгородной къ Казани Ягод-

ной слободѣ, верстахъ въ пяти отъ университета, и для моціона ходилъ на лекціи пѣшкомъ; но такъ какъ, зарывшись въ славянскія рукописи и книги, при своей чрезвычайной разсѣянности, онъ могъ забыть часть лекціи въ университетѣ, то передъ нимъ на столѣ всегда лежали карманные часы, поставленные по *тобольскому меридіану*, т. е. часа на два впередъ противъ казанскаго времени. Увидавъ часъ, назначенный для лекціи, Григоровичъ торопливо вскакивалъ, забиралъ свои книги и тетрадки и быстро шелъ въ университетъ.

Въ 1856 году В. И. Григоровичу было за сорокъ лѣтъ. Это былъ мужчина средняго роста, довольно полный, коренастый, лысый, съ коротко-подстриженными баками (бороду и усы онъ тщательно брилъ), съ сѣрыми, весьма выразительными глазами и съ особой, своеобразной, то добродушной, то иронической улыбкой. Одѣвался Григоровичъ преоригинально. У себя дома зимой пребывалъ онъ въ какомъ-то мѣховомъ тулупчикѣ и въ туфляхъ, а въ гости являлся не иначе какъ во фракѣ, или въ вицмундирѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ. При такихъ посѣще-

нiяхъ Григоровичъ выражалъ претензiи на щегольство, которое ему никогда не удавалось: онъ душился и помадился, какъ говорили, самъ составляя разные косметики, но запахъ отъ духовъ былъ какой-то странный, отдавая почему-то больше всего гвоздикой. Фракъ и вицмундиръ были постоянно испачканы, руки грязны, сорочка и цилиндръ измяты, а сапоги не чищены. Григоровичъ рѣдко ѣздилъ по городу въ экипажѣ, все больше ходилъ пѣшкомъ, ходилъ же онъ очень быстро, вѣчно спѣша и задыхаясь отъ ходьбы, потому что постоянно былъ нагруженъ связками книгъ и бумагъ, которыя частiю носилъ подъ мышкой, а частiю онѣ торчали у него изъ кармановъ, чѣмъ разумѣется, еще болѣе затрудняли его движенiя и утомляли его. Его уличный костюмъ былъ еще оригинальнѣе комнатнаго. Лѣтомъ и осенью неизмѣнное драповое пальто, нерѣдко въ накидку, и старая, помятая фуражка; зимой какая-то невозможная шуба. Въ рукахъ у него постоянно зимою и лѣтомъ была толстая суковатая палка.

У насъ Григоровичъ бывалъ часто. Съ отцемъ они много разговаривали о восточномъ во-

просѣ и объ отношеніяхъ къ намъ Австріи; съ матушкой, дамой очень религіозной и богомольной—объ Аѳонѣ и православной греческой святынь. Моя гувернантка, Нат. Ив. Дубровина, проведшая свое дѣтство и отрочество въ Ригѣ и умѣвшая говорить по латышски, приводила этимъ въ восторгъ Григоровича, и я помню, какъ разъ онъ принесъ ей цѣлый ворохъ старыхъ латышскихъ книгъ, напечатанныхъ въ прошломъ столѣтіи нѣмецкимъ шрифтомъ. То были большею частью разные молитвенники и книги религіознаго содержанія. Немало затрудненій причинилъ этимъ Викторъ Ивановичъ Натальѣ Ивановнѣ Дубровиной. По нѣмецки она говорила и читала какъ на родномъ своемъ языкѣ, по латышски говорила бѣгло, но читать латышскія книги съ нѣмецкой транскрипціей было для нея очень трудно.

Я также часто посѣщалъ Григоровича. Его панславистическія воззрѣнія были мало мнѣ понятны въ то время; тѣмъ менѣе понималъ я его ученныя заслуги. Меня привлекали къ Григоровичу его рукописи и старыя книги, до которыхъ я былъ съ дѣтства большой охотникъ.

Станнымъ казалось мнѣ тогда его недовольство Казанью, что онъ выражалъ постоянно, но теперь я хорошо понимаю душевное состояніе знаменитаго русскаго слависта.

Ив. Кондр. Бабста, занимавшаго съ 1851 по 1857 г. кафедрѣ политической экономіи въ казанскомъ университетѣ, которая въ то время читалась на историко-филологическомъ факультетѣ, я помню очень хорошо, хотя вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Казань, онъ и уѣхалъ въ Москву, гдѣ занялъ кафедрѣ Вернадскаго. Бабстъ производилъ на меня большое впечатлѣніе, какъ одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Грановскаго и близкій человѣкъ къ моему дядѣ К. Д. Кавелину, передъ именемъ котораго я въ то время просто благоговѣлъ. Живой, подвижной, веселый, Бабстъ прекрасно говорилъ по русски и по нѣмецки, и я любилъ слушать его рассказы про Ригу, гдѣ онъ получилъ первоначальное образованіе, и про порядки дерптскаго университета. Ригой и Дерптомъ я интересовался въ то время по рассказамъ Н. И. Дубровиной. Москва съ ея университетомъ, по семейнымъ традиціямъ, съ самаго дѣтства привлекала

къ себѣ мое вниманіе. 6 Іюня 1856 года, на университетскомъ актѣ (тогда въ нашемъ университетѣ акты бывали лѣтомъ, а не 5 Ноября, какъ теперь), Бабстъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: «О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», которая произвела въ то время большую сенсацію не только въ Казани, но и въ передовыхъ кружкахъ Москвы и Петербурга и встрѣчена была хвалебными отзывами въ самыхъ прогрессивныхъ журналахъ: «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Современникѣ». Успѣхъ этой рѣчи объясняется намеками въ ней на предстоявшее освобожденіе крестьянъ, а намеки эти были Бабстомъ чуть-ли не первымъ высказаны въ печати—и въ этомъ отношеніи его актовая рѣчь имѣетъ большое историческое значеніе. Она была произнесена и напечатана до коронаціи Императора Александра II, когда впервые высказанъ самимъ Государемъ намекъ на улучшеніе быта крестьянъ. Бабстъ подарилъ свою рѣчь моему отцу и много говорилъ съ нимъ по ея поводу; я же, разумѣется, въ то время ничего не могъ понимать изъ ихъ разговоровъ по этому вопросу.

V.

Два профессора русской исторіи въ казанскомъ университетѣ 1856—1860 гг.: Степ. Вас. Ешевскій и Ниль Александр. Поповъ.—Казанскій актеръ Милославскій.—Преподаватель русской словесности В. Г. Варенцовъ.—Мод. Як. Китарры и его значеніе для Казани.—Публичныя лекціи въ Казани по прикладнымъ знаніямъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и успѣхъ этихъ лекцій.—Заключеніе.

Иначе относился я къ исторіи, которая и въ тотъ ранній возрастъ уже приковывала къ себѣ мое вниманіе. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе оказалъ на меня Ст. Вас. Ешевскій, только что въ 1856 г. занявшій въ казанскомъ университетѣ кафедру русской исторіи вмѣсто Ник. Ал. Иванова. Его лекціи по русской исторіографіи я читалъ лѣтомъ 1856 года у моего учителя Логинова, слушателя Ешевскаго, а затѣмъ въ 1857 г. тотъ же Логиновъ, а позднѣе Виноградскій, приносили мнѣ и давали читать лекціи Ешевскаго по исторіи царствованія Императрицы Елизаветы Петровны. Оба эти курса производили на меня глубокое впечатлѣніе и съ тѣхъ еще поръ установили двѣ основныя спеціальности моихъ послѣдующихъ занятій рус-

ской исторіей—ея исторіографіей и XVIII вѣкомъ. Въ 1857 г. четыре профессора—Буличъ, Бабстъ, Ешевскій и Пахманъ читали публичныя лекціи, не помню, съ какой благотворительной цѣлью: Буличъ о Державинѣ, Бабстъ о промышленномъ значеніи Волги, Ешевскій объ историческомъ значеніи русской колонизаціи въ Поволжьи и Пахманъ, если не измѣняетъ мнѣ память, о юридическихъ обычаяхъ казанскихъ инородцевъ финнскаго племени. Изъ этихъ лекцій я былъ на лекціи Ешевскаго, которая тоже такъ меня поразила, что и вопросъ о колонизаціи русскаго племени сталъ однимъ изъ интереснѣйшихъ для меня вопросовъ въ русской исторіи: ему я посвятилъ мою магистерскую диссертацию. Но Ешевскій имѣлъ вліяніе и на мои занятія всеобщей исторіей. Въ декабрѣ 1856 г. пріѣхала въ Казань родственница моего отца, Елена Оеод. Укова и привезла мнѣ въ подарокъ многотомную «Всемирную Исторію» итальянца Чез. Канту во французскомъ переводѣ (C. Cantu, «Histoire universelle», 1853—1855, 19 vol. in 8°), излагающую событія политической жизни и культурную исторію всего человѣчества отъ сотворенія міра

до 30-хъ годовъ XIX в. Канту такъ-таки и начинаеть свою «Исторію» съ изложенія книги Бытія. Ешевскій, какъ разъ вскорѣ послѣ этого подарка пріѣхалъ къ намъ вечеромъ съ Буличемъ и Бабстомъ, и я, разумѣется, не замедлилъ похвастаться передъ нимъ моимъ Канту, притащивъ ему всѣ 19 томовъ. Ешевскій сказалъ мнѣ, что если я ему на вступительномъ университетскомъ экзаменѣ (въ то время не было экзаменовъ «зрѣлости» въ гимназіяхъ, и при вступленіи въ университетъ, какъ гимназистовъ, такъ и стороннихъ, экзаменовали профессора университета)—дамъ честное слово, что прочелъ всего Канту, то онъ мнѣ безъ экзамена поставитъ 5. «Но предупреждаю,—прибавилъ онъ,—читайте съ осторожностью, потому что Канту клерикаль». Легко себѣ представить мой восторгъ!... На другой же день я принялся за Канту и сталъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ дѣлать изъ него конспектъ. Но я совершенно не понималъ, что значитъ «клерикаль»; спросить же объясненія этого слова не только у Ешевскаго, но и у своихъ учителей-студентовъ, я не рѣшался изъ ложнаго самолюбія. Въ

1859 году я кончилъ всѣ 19 томовъ и къ тому времени А. С. Павловъ, одинъ изъ моихъ учителей, въ то время бакалавръ казанской духовной академіи, объяснилъ мнѣ весьма обстоятельно что значить «клерикаль». Но увы! Мнѣ не привелось держать вступительнаго экзамена у С. В. Ешевскаго: онъ оставилъ Казань еще въ 1858 г.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную оцѣнку ученыхъ достоинствъ Ешевскаго. Всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ хорошо извѣстно, что это былъ одинъ изъ весьма немногихъ выдающихся русскихъ историковъ, имя котораго съ почетомъ можетъ стоять наряду съ современными ему историками западно-европейскими, а среди русскихъ ученыхъ по всеобщей исторіи его имя лучезарно блеститъ рядомъ съ именами Грановскаго и Кудрявцева. Онъ былъ ученикомъ перваго изъ нихъ и преемникомъ по кафедрѣ второго и принадлежалъ къ одной съ ними школѣ. Обладая широкимъ общимъ образованіемъ и обширной исторической и филологической эрудиціей, онъ, какъ и Грановскій съ Кудрявцевымъ, является талантливымъ апосто-

ломъ высокихъ прогрессивныхъ идей, развивающихся постепенно въ общественной и культурной жизни западно-европейскихъ народностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ изслѣдователемъ и художественнымъ изобразителемъ этой жизни. Онъ былъ въ Казани совершенно случайнымъ представителемъ кафедры русской исторіи. Занимаясь специально той многозначительной эпохой въ исторіи германо-романскаго міра, въ которую слагался этотъ міръ на развалинахъ античной римской культуры, Ешевскій долженъ былъ погрузиться въ чуждую для него область исторіи восточной части Европы. Тѣмъ болѣе заслуги съ его стороны. Его курсы и статьи по русской исторіографіи, по исторіи колонизации и по исторіи русскаго XVIII в. доселѣ имѣютъ большое значеніе въ отношеніи методологическомъ и какъ образцы для выясненія научной связи между исторіей всеобщей и русской. Ешевскій предлагалъ въ Казани профессору всеобщей исторіи Мих. Ив. Славянскому помѣняться съ нимъ кафедрами, потому что Славянскій былъ магистромъ русской исторіи, а Ешевскій магистромъ всеобщей; но облѣнившійся и отставшій

отъ науки Славянскій не согласился. Онъ читалъ лекціи попросту, буквально по литографированному курсу Фр. Лоренца, своего бывшего профессора въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Лекціи Ешевскаго въ Казани производили на студентовъ большое впечатлѣніе.

Аудиторія Ешевскаго была всегда переполнена слушателями, несмотря на тихій, болѣзненный голосъ и невозможное косноязычіе профессора. Худой, изможденный, средняго роста блондинъ, съ весьма невзрачной и даже не выразительной фізіономіей, Ешевскій проглатывалъ цѣлыя слова и произносилъ нѣкоторые звуки такъ, какъ я не слыхалъ ни у кого: вмѣсто к онъ напимѣръ выговаривалъ ч; вмѣсто л—р и на оборотъ. Иногда, вслѣдствіе этого происходила путаница невообразимая и даже пресмѣшные *qui pro quo*. Но умная, содержательная и горячая рѣчь профессора не только заставляла забывать всѣ эти недостатки,—она преобразовывала его самого: Ешевскій на кафедрѣ даже какъ бы выросталъ физически, лице его одухотворялось и онъ просто приковывалъ къ себѣ слушателя.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ешевскаго въ 1864 г. лѣтомъ, въ Москвѣ, гдѣ я былъ съ моими родителями уже по окончаніи мною курса въ казанскомъ университетѣ. Это было въ незадолго передъ тѣмъ открытомъ зоологическомъ саду. Ешевскій очень обрадовался встрѣчѣ со мной и много спрашивалъ меня о Казани и о казанскомъ университетѣ. Я былъ пораженъ болѣзненнымъ состояніемъ Ешевскаго. Его мучила одышка, ноги совсѣмъ заплетались и онъ едва передвигалъ ими, опираясь на костыль. Нервные страданія не оставляли его съ самаго отъѣзда изъ Казани: продолжительное заграничное леченіе въ 60-хъ годахъ не помогло; вскорѣ послѣ нашего свиданія въ Москвѣ онъ снова поѣхалъ за границу, но опять напрасно. 27 мая 1865 года С. В. Ешевскій скончался всего на 37-мъ году отъ роду. Его преждевременная кончина была великой потерей для русской науки и неутѣшной скорбью для всѣхъ лично его знавшихъ.

Каѳедру русской исторіи въ казанскомъ университетѣ послѣ Ешевскаго занялъ Нилъ Александровичъ Поповъ. Какъ теперь помню

его первое появленіе въ нашей гостинной въ 1858 году. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ (ему въ то время шелъ 25-й годъ) симпатичной наружности, съ каштановыми, назадъ зачесанными волосами, въ золотыхъ очкахъ, откидывавшій голову нѣсколько назадъ и имѣвшій очень пріятный, какой-то своеобразно пѣвучій голосъ. Окончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ въ 1854 году Н. А. Поповъ въ 1857 году едва только сдалъ свой магистерскій экзаменъ и въ литературѣ былъ извѣстенъ лишь двумя статьями: рецензіей на VI-й т. «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, объ Іоаннѣ Грозномъ, и монографіей о «польской королевѣ Варварѣ» (2-й женѣ короля Сигизмунда-Августа), помѣщенными въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Онъ самъ добродушно удивлялся своему назначенію въ Казань, о чемъ мнѣ чистосердечно заявлялъ, помню, въ 1874 году, объясняя это назначеніе личнымъ къ нему расположеніемъ Соловьева. Впослѣдствіи Н. А. Поповъ составилъ себѣ вполне заслуженную репутацію, какъ образцовый преподаватель и изслѣдователь русской исторіи въ связи съ исторіей другихъ славянскихъ на-

родностей. Его докторская диссертация «Объ отношеніи Сербіи къ Россіи въ царствованіе Александра I», состоящая изъ двухъ большихъ томовъ, представляетъ серьезный ученый трудъ по исторіи отношеній Россіи къ южнымъ славянамъ, а въ московскомъ университетѣ онъ нѣсколько лѣтъ къ ряду читалъ курсъ по исторіи Польши и Чехіи. Но въ исходѣ 50-хъ годовъ въ Казани Н. А. Поповъ былъ новичкомъ въ русской исторіи, такъ сказать дебютантомъ: онъ самъ въ то время только начиналъ изучать ее какъ слѣдуетъ и былъ занятъ диссертацией на степень магистра— о Татищевѣ. Въ Казани онъ обратилъ вниманіе на мѣстную исторію, по которой сообщилъ немало интересныхъ данныхъ въ «Русскій Вѣстникъ» и въ «Чтенія московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ». Въ «Московскія Вѣдомости», выходившія тогда подъ редакціей Вал. Ѳеод. Корша, писалъ Н. А. Поповъ интересныя «Казанскія письма», въ которыхъ касался мѣстной умственной и общественной жизни. Въ то время у насъ не было ни одной частной газеты и вся казанская прес-

са выражалась только въ «Губернскихъ вѣдомостяхъ», а потому «Письма» Н. А. Попова представляли большой интересъ для казанцевъ, и имя ихъ автора должно занять почетное мѣсто въ исторіи казанской публицистики.

Чтеніе лекцій, писанье диссертации, изученіе мѣстной исторіи и занятіе публицистикой не наполняли однако всего времени молодого и даровитаго профессора. Онъ посѣщалъ вечера, балы и почти не пропускалъ ни одного представленія актера Милославскаго, тогдашней казанской театральной знаменитости. Не могу не удѣлить здѣсь попутно, кстати, хотя немного мѣста Ник. Карл. Милославскому.

Актеръ Милославскій, нѣкогда постоянно игравшій на казанской сценѣ, въ 1858—1859 г.г. лишь «гастролировалъ» на ней (впрочемъ тогда этотъ терминъ не былъ въ употребленіи). Милославскій—сценическій псевдонимъ Ник. Карл. Фридебурга, въ молодости лихого гусара, ставшаго актеромъ вслѣдствіе разныхъ коловратностей судьбы. Это былъ выдающійся и весьма разнообразный сценическій талантъ. Онъ былъ одинаково хорошъ и въ водевиляхъ, и въ дра-

махъ, и въ трагедіяхъ. Его главнѣйшія амплуа состояли въ первыхъ роляхъ французскихъ мелодрамъ и ихъ русскихъ подражаній 30-хъ и 40-хъ годовъ, которыя по тогдашней отдаленности Казани отъ русскихъ образованныхъ центровъ, съ успѣхомъ разыгрывались у насъ въ исходѣ 50-хъ годовъ; кромѣ того онъ прекрасно исполнялъ многія роли въ Шекспировскихъ пьесахъ и въ нѣкоторыхъ новыхъ, русскихъ бытовыхъ комедіяхъ. Въ мелодрамы онъ вносилъ жизнь, реальное пониманіе ея, а потому мелодраматическіе герои въ его игрѣ встаютъ доселѣ въ моей памяти не тѣми манекенами, какими они являются подъ перомъ ихъ авторовъ, а живыми людьми, ясно, во весь ростъ очерченными личностями. Съ этимъ, я увѣренъ, согласятся всѣ видѣвшіе Милославскаго въ такихъ, напримѣръ, пьесахъ, какъ «Серафима Лафайль», «Графиня Клара д'Обервилль», «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», «Графъ Уголино», «Испанскій дворянинъ» и т. д. Особенно хорошъ былъ онъ въ роли дона Сезара де-Базанъ въ «Испанскомъ дворянинѣ». Эта весьма талантливая комедія передѣлана съ французскаго Мих. Ник.

Лонгиновымъ, когда тотъ былъ еще юнъ и неопытенъ. Въ зрѣлые года жизни Лонгиновъ являлся извѣстнымъ библіофиломъ, библіографомъ и историкомъ новой русской литературы, а подъ конецъ жизни, въ 70-хъ годахъ, однимъ изъ самыхъ суровыхъ главноуправляющихъ цензурнаго вѣдомства. Донъ Сезаръ де-Базанъ, прокутившійся и раззорившійся испанскій дворянинъ, до нѣкоторой степени напоминалъ самого Ник. Карл. Фридебурга. Люди, хорошо знавшіе Фридебурга и его прошлое, утверждаютъ то же и относительно Кречинскаго, героя комедіи Сухово-Кобылина, появившейся въ 1856 году и надѣлавшей въ то время очень много шума. Милославскій въ роли Кречинскаго былъ превосходенъ, и злые языки остроумничали, что Ник. Карл., продѣлавшій самъ такіе же пассажи, какъ Мих. Вас. Кречинскій, никогда даже не готовился къ этой роли. А какъ хорошъ былъ Милославскій въ «Гамлетѣ»! До сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ его діалоги съ Полоніемъ и Офеліей, его объясненіе съ матерью и знаменитое «*быть или не быть*»! На представленія съ участіемъ Милославскаго въ зиму 1858—

1859 годовъ записывались заранѣе и театральная зала постоянно была переполнена. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этотъ годъ казанская драматическая труппа была вообще очень хороша. Кроме Милославскаго было нѣсколько актеровъ и актрисъ, которые впоследствии заняли видное положеніе на столичной петербургской сценѣ. Таковы В. Н. Виноградовъ, Д. И. Дудкинъ (въ Петербургѣ игравшій подъ именемъ Озерова), А. П. Прокофьева.

Понятно, поэтому, увлеченіе Н. А. Попова казанскимъ театромъ, въ то время доставлявшимъ дѣйствительно необыкновенно высокое эстетическое наслажденіе.

Казанской жизнию Поповъ, повидомому, былъ доволенъ. Его удивляла тогдашняя дешевизна этой жизни сравнительно съ Москвой. Бывало, зайдетъ рѣчь о различныхъ цѣнахъ казанскихъ—и Нилъ Александровичъ только и восклицаетъ: «баснословно дешево!» И дѣйствительно цѣны на все въ Казани были тогда баснословно-дешевы. Такъ напр. мои родители за квартиру въ домѣ Котовщикова на Ново-Горшечной улицѣ (гдѣ въ настоящее время, впро-

чемъ съ пристройкой, помѣщается Александровская больница), за квартиру, состоящую изъ шести комнатъ въ бель-этажѣ и пяти въ антресоляхъ, платили въ годъ 360 р.

Въ 1860 году Н. А. Поповъ оставилъ Казань, получивъ мѣсто адъюнкта при кафедрѣ русской исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ преемники себѣ въ Казани онъ указалъ бакалавра казанской духовной академіи Авон. Прок. Щапова, произведшаго въ то время фуроръ своею книгой «Русскій расколъ старообрядства», въ которой впервые расколъ разсматривался какъ явленіе общественное, а не исключительно церковно-религіозное.

Послѣ Казани я встрѣтился съ Н. А. Поповымъ въ Москвѣ, у С. М. Соловьева въ 1867 г. и возобновилъ съ нимъ мое знакомство. Съ тѣхъ поръ видались мы съ нимъ часто, когда онъ былъ профессоромъ въ Москвѣ, а затѣмъ и директоромъ московскаго Архива министерства юстиціи, сблизились и, хотя рѣдко, но переписывались, и наши добрыя отношенія не прекращались до самой его кончины.

По отъѣздѣ Н. Н. Булича въ Петербургъ

чтеніе лекцій по русской литературѣ было поручено преподавателю нижегородской гимназіи Виктору Гавриловичу Варенцову, съ которымъ моихъ родителей познакомилъ Григоровичъ. Варенцовъ, высокій, худошавый брюнетъ, поражалъ меня меланхолическимъ выраженіемъ лица и какою-то затаенной думой, лежавшей у него на душѣ. Помню впечатлѣніе, которое произвела его публичная лекція о Тредьяковскомъ, читанная имъ въ 1860 г. и напечатанная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Я былъ на этой лекціи, и о впечатлѣніи отъ нея могу говорить какъ очевидецъ. Казанскую публику поразило въ лекціи не то, что В. Г. Варенцовъ впервые представилъ автора «Телемахида», не такимъ бездарнымъ пѣтой и шутомъ, какимъ его привыкли у насъ разумѣть съ легкой руки Лажечникова, искалковавшаго его въ своемъ «Ледяномъ домѣ», и выставилъ многія дѣйствительныя заслуги Тредьяковского,—но «либеральное» обличеніе служебныхъ злоупотребленій провинціальныхъ воеводъ XVIII в. въ нашемъ Поволжьи. Особенный эффектъ произвело то обстоятельство, что это было сказано въ присутствіи губернато-

ра Козлянинова, бывшего на лекціи. Дружные аплодисменты сопровождали профессора, сходящего съ кафедры, и губернаторъ аплодировалъ усерднѣе другихъ.

Варенцовъ, будучи уже профессоромъ, женился на дочери, сколько мнѣ помнится, саратовскаго лютеранскаго пастора Марбурга и бывалъ у насъ съ женой. Разница въ годахъ и въ наружности между ними была очень значительна: мужу было лѣтъ за сорокъ, женѣ лѣтъ семнадцать; она была маленькаго роста, голубоглазая блондинка—типическая представительница сентиментальной нѣмки. Вхожу въ эти подробности, потому что о Варенцовѣ имѣется весьма мало біографическихъ данныхъ. Ихъ столь мало, что С. А. Венгеровъ, въ своемъ «Біографическомъ Словарѣ» заявляетъ даже, что сообщеніе *единственнаго некролога* Варенцова о томъ, что онъ былъ профессоромъ въ казанскомъ университетѣ *основано на недоразумѣніи*. (см. т. IV, с. 85).

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ еще объ одномъ профессорѣ казанскаго университета 50-хъ годовъ, съ которымъ батюшка познакомился, т. е. сказ. независимо отъ университе-

та. Мой отецъ былъ знающій и опытный сельскій хозяинъ, и его раціональные агрономическіе приемы, даже при условіяхъ крѣпостного права, были хорошо извѣстны въ Казани, а потому, едва онъ переселился туда на жительство, какъ былъ выбранъ въ члены казанскаго экономическаго общества, инициаторомъ и основателемъ котораго былъ секретарь общества, профессоръ технологии, Модестъ Яковлевичъ Китарры, съ которымъ и не замедлилъ познакомиться мой батюшка.

Модестъ Яковлевичъ Китарры принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ замѣчательнымъ русскимъ людямъ, которые не только оставляютъ глубокій слѣдъ отъ своей дѣятельности, но даже опережаютъ свое время содержаніемъ и направлениемъ ея. При жизни Китарры пользовался въ Казани, по справедливости, большимъ значеніемъ и вліяніемъ—неужели же эта жизнь недостойна подробнаго и серьезнаго изученія? Думаю, что отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не нашлось въ Казани человѣка, который составилъ бы біографію М. Я. Китарры, выполнѣ его достойную.

М. Я. Китарры былъ образцовымъ профессоромъ технологіи въ университетѣ (онъ былъ прекрасный лекторъ), организаторомъ рациональныхъ техническихъ приемовъ фабричнаго и заводскаго производства въ Казани и распространителемъ техническихъ, агрономическихъ и экономическихъ знаній не только въ казанской губерніи, но во всемъ Поволжьи и Приуральи. Въ университетѣ онъ создалъ цѣлую школу, имѣя весьма много учениковъ; два самыхъ крупныхъ казанскихъ завода, Крестовниковыхъ и Алафузова, всецѣло обязаны ему своимъ процвѣтаніемъ; онъ основалъ и привелъ въ движеніе казанское экономическое общество, впавшее послѣ него въ летаргію; онъ устраивалъ при этомъ обществѣ сельско-хозяйственныя и промышленныя выставки и основалъ журналъ: «Записки Казанскаго экономическаго общества» который въ 50-хъ годахъ былъ, если не лучше двухъ старѣйшихъ русскихъ хозяйственныхъ журналовъ, петербургскаго «Трудовъ Императорскаго вольнаго экон. общества» и московскаго «Журнала Сельскаго Хозяйства»—то стоялъ въ уровенѣ съ ними. Въ особенности «Записки Ка-

занскаго экономическаго общества» были хороши за 1858 и 1859 г.г., когда Китарры уже не было въ Казани, но статьи для журнала этихъ годовъ были заготовлены еще имъ. Въ «Запискахъ» этихъ годовъ возбуждались вопросы экономическіе, затрогивалось крѣпостное право—центральный нервъ тогдашней публицистики, а потому этотъ журналъ обратилъ на себя серьезное вниманіе столичной прессы. Всѣ толки и крики, больше крики, которые раздаются въ наши дни о важности экономическихъ факторовъ въ народной жизни, о поднятіи кустарныхъ промысловъ и объ улучшеніи земледѣльской культуры,—все это неудержимое стремленіе къ профессиональному, технически-ремесленному образованію—могутъ по меньшей мѣрѣ вызывать удивленіе и улыбку у тѣхъ, кто знавалъ такого рода серьезнаго ученаго и почтеннаго практическаго дѣятеля, какъ Мод. Як. Китарры; свои рациональныя воззрѣнія поэтимъ вопросамъ научно и скромно проводилъ онъ въ казанскую жизнь сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ чѣмъ онъ опередилъ свое время, вотъ чѣмъ заслужилъ благодарность потомства! Прибавьте къ

этому личныя симпатичныя качества Китарры, его близость къ студентамъ, его пониманіе нуждъ и стремленій молодежи—и вамъ будетъ понятно восхваленіе его въ приведенныхъ выше студенческихъ виршахъ. Въ кабинетѣ технической химіи казанскаго университета помѣщается прекрасный живописный, во весь ростъ, портретъ Мод. Як. Китарры. Это выраженіе признательности благодарныхъ учениковъ своему учителю; а многимъ-ли изъ казанцевъ извѣстенъ этотъ портретъ?

При имени Китарры невольно вспоминается одно изъ проявленій ученой дѣятельности нашего университета, весьма полезное, сколько мнѣ извѣстно не уничтоженное никакимъ официальнымъ распоряженіемъ, но загложшее, забытое, какъ гложнетъ и забывается у насъ на Руси вообще весьма многое хорошее изъ прежняго времени. Разумѣю тѣ даровыя публичныя лекціи по прикладнымъ знаніямъ, которыя читались въ химической аудиторіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Эти лекціи имѣли бы большое значеніе именно теперь, когда подымается такъ много шума изъ за профессиональнаго, технического образованія.

На публичныя лекціи отпускаются доселѣ изъ казны особныя суммы, и въ то время эти лекціи посѣщались весьма охотно очень разнообразной публикой. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ по химіи Бутлерова, по технологіи Китарры и по механикѣ Котельникова—были просто въ модѣ, и публика стремилась на нихъ столь же ревностно, какъ на театральные спектакли съ участіемъ Милославскаго. Насколько лекціи эти производили сильное впечатлѣніе, могу, до нѣкоторой степени, судить по себѣ. Я до сихъ поръ помню совершенно отчетливо талантливые чтенія А. М. Бутлерова о главнѣйшихъ свойствахъ простыхъ тѣлъ, сопровождаемыя эффектнымъ опытами, въ родѣ горѣнія фосфора въ кислородѣ и Друммондова свѣта. А какъ краснорѣчиво читалъ лекціи Котельниковъ! Только лекціи по физикѣ у Больцани не удавались. Говорилъ онъ по русски скоро, невнятно и плохо, съ итальянско-еврейскимъ акцентомъ (родомъ онъ былъ итальянскій еврей изъ тироляскаго города Ботцена, по итальянски называющагося Bolzano), да и мысль его не отличалась систематичностью и ясностью; опыты у Больцани были неудачны и я помню, какъ на

экранъ волшебнаго фонаря появилась у него совершенно случайно какая-то миска, опрокинутая вверхъ дномъ, какъ отлетѣла внизъ крышка этой миски, а изъ миски показалось красное пламя съ цѣлой группой чертей.... Этотъ неудачный опытъ произвелъ въ публикѣ гомерическій смѣхъ.

Но пора кончить. Казанской духовной академіи 50-хъ годовъ я не коснулся за недостаткомъ времени. Я увлекся моими воспоминаніями объ отраженіи на казанскомъ обществѣ накатунѣ эпохи реформъ всѣхъ тогдашнихъ вѣяній, увлекся воспоминаніями о казанскомъ университетѣ и его профессорахъ той эпохи—и написалъ гораздо больше, чѣмъ предполагалъ. Не мало любопытнаго изъ исторіи казанской духовной академіи 50-хъ годовъ сохранилось въ моей памяти. Прекрасно помню я ея ректоровъ—Агафангела и Іоанна; двухъ оригинальныхъ и замѣчательныхъ, но совершенно противополож-

ныхъ другъ другу по характеру и міросозерцанію ея профессоровъ—архимандрита Θεодора Бухарева и Щапова; помню многихъ ея студентовъ, изъ которыхъ иные въ настоящее время имѣютъ почетное значеніе въ наукѣ; помню много характерныхъ обстоятельствъ изъ жизни этого почтеннаго духовно-учебнаго заведенія. Но обо всемъ этомъ—когда нибудь послѣ.

Казань, февраль 1898 г.

DK 651 .K2 K6
Byloe iz Kazanskoi zhizni, 185
Stanford University Libraries

3 6105 041 462 701

PK
651
1K2K6

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 8 1981

